

Дина DAYLLARY Данилова

ДЕВАТНА ОДУНАТОН

12+

Дина Данилова Dayllary

Девятнадцатый

«Автор»

2009

Данилова Dayllary Д.

Девятнадцатый / Д. Данилова Dayllary — «Автор», 2009

Действие происходит в маленьком городке, на котором уже более двухсот лет лежит проклятие, позволяющее родиться детям живыми лишь четыре особых дня в году. Согласно предсказанию снять проклятие дано лишь некоему девятнадцатому ребёнку, родившемуся не вовремя. В оформлении обложки использован рисунок автора (Дина Dayllary Данилова)

© Данилова Dayllary Д., 2009

© Автор, 2009

Дина Данилова Dayllary

Девятнадцатый

Имблок (2 февраля)
Белтайн (30 апреля)
Лагнасад (1 августа)
Самайн (31 октября)

РОДИВШИЙСЯ ПОСЛЕ ИМБОЛКА

Низкое небо в трещинах зависло над улицами города, всем своим видом усугубляя скорбь холодного февральского дня. Деревья, собаки и люди тряслись от промозглого ветра и сотрясались от рыданий. Ведь из тех детей, кого ожидали ко вчерашнему дню, трое так и не успели родиться. Двое умерли, а вернее родились мертвыми, как и все, кто в этом городе рождались не вовремя. Теперь ожидали рождения и смерти третьего. Все знали, что так и будет... и никто ничего не мог сделать. Все просто ожидали известия о том, что это уже случилось.

А потому Гильберта, бегущая с перекошенным лицом по улице, удивляла всех несказанно. И чего только не сочеталось в лице молодой повитухи, наиталантливейшей ведьмы, усердно помогавшей младенцам родиться живыми. И страх перед возможностью не успеть, не добежать вовремя. И удивление, граничащее с шоком. И неуверенная радость:

– Ах, он родился! Родился!

Гильберта бежала босиком: торопясь выскочить на улицу, она забыла надеть сабо. Да и до них ли ей было? Ведь на бегу они только мешали бы! Да если бы она могла, она сорвала бы с себя юбку, насквозь промокшую в тот момент, когда девушка уронила таз с водой. Юбка липла к ногам, путалась в коленях, но времени не было, а потому Гильберта просто подобрала ее, сгрэбла в кулак и мчалась, выставляя напоказ удивленным людям крепкие стройные ноги, покрывшиеся, за пять минут бега по пыльной дороге, серыми разводами.

Люди распахивали окна и высовывались в них, догоняя девушку взглядами. Люди выходили за калитки и ворота, прижимали руки кто к щекам, кто к груди, пытаясь понять, что заставило Гильберту бежать по улицам к неведомой цели, не замечая преград. Вот она на бегу перепрыгнула через тележку с садовым инструментом, оставленную у калитки, вот увернулась от чьих-то рук, пытавшихся остановить её бешеный бег, вот, не сбавляя скорости, перемахнула через канаву... словно новый источник сил открылся в ней с одной единственной целью: проташить её через все улицы города и вывести к дальней площади, где девушка еще может успеть, должна успеть...

Десятилетний Генри Дилл метнулся к ограде и крикнул истошно и беспомощно:

– Что случилось, Гильберта?!

Но девушка даже не услышала крика, так завывал в её ушах несущийся навстречу воздух. Генри понял, что его возглас ушел в пустоту, и начал торопливо перебираться через ограду. Его сестра, Сара, попыталась остановить брата, но он, всегда и во всем видевший свою необходимость, оттолкнул её руки:

– Оставь меня! Я должен... Там что-то случилось!

– Там всего лишь умер ребёнок Гайхаллеров, что еще могло случиться сегодня?

– Если бы так, она бы не бежала. Ты видела её лицо? Она торопилась что-то сделать!

– Может быть ребёнок... – начала Сара и осеклась, не смея верить мелькнувшей мысли.

Заглянула в горящие глаза брата и выпустила его жилетку, за которую цеплялась. Генри мгновенно спрыгнул вниз и помчался вслед за Гильбертой.

А девушка все бежала, сворачивая в узкие проулки в поисках правильного пути, металась по улицам, пока не вылетела на маленькую площадь, прямо к зданию давно пустующей гостиницы, на первом этаже которой, однако, размещалось действующее питейное заведение. Человеку, которого она искала, негде было находиться в этот день, кроме как у стойки бара с кружкой крепкого вина...

Гильберта влетела в дверной проем, пробежала по инерции несколько шагов, и остановилась, дыша так, как дышит загнанная лошадь. Все присутствующие разом замолчали и, словно замороженные, уставились на нее. Джаелс Гайхаллер тоже обернулся и замер, с кружкой в руке, беспомощно глядя в лицо девушки. Сотня мыслей в этот момент заметалась в его голове: зачем она прибежала? Сообщить ему о том, что это уже случилось? Но об этом не сообщают. Это должно было случиться, это жутко звучит, но это нормально. Для их города, во всяком случае. Так что же заставило Гильберту примчаться сюда босиком, в мокрой юбке, словно произошло что-то из ряда вон выходящее? Уж не стряслось ли что-нибудь еще? Пожар? Обвал? Смерть от родов?

– Что? – выдавил из себя мужчина, стремительно бледнея.

И тогда тело Гильберты, натянутое, как струна, внезапно ослабло и обмякло. Протянув вперед руку, она, как слепая, сделала два беспомощных шатких шага вперед, потом её ноги подломились, и она упала, дробно стукнув коленями в деревянный пол. Боли от удара она даже не почувствовала.

– Джаелс, – сказала она, хриплым голосом. – О, Джаелс! – Она попыталась протянуть к нему руки, но не нашла в себе сил и тяжело уронила их себе на колени, потом уперлась ими в пол, чтобы не дать себе упасть окончательно. – Слушай меня... Счастье... да войдет в твой дом... Сын... у тебя живой сын...

Керамическая кружка в руке мужчины вдруг раскололась, сдавленная судорожно сведенными пальцами и капли вина, неотличимо смешавшись с кровью из порезов, забарабанили по начищенным доскам пола. Несколькими секундами позже к ним присоединились капли слез.

Сообщение не было сказано полностью по обычаю, но смысл его от этого не менялся. Да и можно ли было требовать от девушки соблюдения всех традиций? И кому вообще сейчас было дело до того, как это было сказано? Главное – что она сказала!

Сын Гайхаллера? Живой? Как можно?! Сегодня! Третьего числа! Высшие силы, не может этого быть! Проклятие за двести пятьдесят лет своей власти над городом не давало никаких послаблений, отчего же оно не сработало сегодня?!

Сотня вопросов или даже тысяча, и ни на один нет ответа...

Генри Дилл, возникший в дверях, единственный, кто в гуще этих вопросов нашел правильные слова:

– Гайхаллер, что же ты сидишь? Ты должен успеть дать ему имя! Кто-нибудь, помогите Гильберте!

Девушке, и в самом деле, нужна была помощь: в глубоком обмороке она повалилась набок, в своевременные подставленные заботливые руки Генри.

В помещении на несколько секунд воцарилась тишина. Потом Гайхаллер-старший (а с момента удивительного сообщения он имел право называться этим почетным титулом) разжал израненный кулак, бросил на пол все то, что осталось от кружки, и опрометью кинулся на улицу. Его мысли были очевидны всем: раз уж это чудо случилось, то не надо искушать судьбу, поскольку неизвестно на какой отрезок времени она подарила городу и, в частности, семье Гайхаллеров, такое счастье. Надо успеть извлечь из этого времени все возможное, пусть хоть самое малое: увидеть его, маленького живого новорожденного. Взять на руки, поцеловать, дать имя... Самое главное, чтобы отец успел дать имя. А там уже будет не так страшно, если судьба все-таки опомнится и довершит задуманное.

Как только Гайхаллер выбежал за дверь, все заговорили разом, и невозможно было разобрать ни единого слова. Можно было, разве что, выделить какие-то эмоции, завладевшие людьми, но не более того. И только упрямый и сердитый голос Генри Дилла впутывался в общую смятенность и требовал:

– Да помогите же! Ей плохо!

Генри был из тех, кто всегда добивается желаемого, и ему ничего не стоило в яростном порыве перекричать толпу втрое большую, чем та, что окружала его сейчас. Только благодаря ему люди довольно-таки быстро обратили внимание на лежащую без сознания Гильберту.

Событие, спровоцировавшее этот дикий пробег, случилось всего лишь двадцатью минутами ранее, в девятом часу утра, когда Гильберта с двумя другими женщинами тщетно пыталась помочь Тамире – жене Джаелса Гайхаллера – родить ребёнка. Вместе с ней они провели ночь в комнате на втором этаже так называемого «дома-на-площади», места, считавшегося наиважнейшим для любого жителя города. Это было место, где рождались дети. Либо не рождались, как это и происходило в тот момент.

Все находившиеся в этой комнате тем ветреным февральским утром, были основательно измотаны предыдущим трудным днем, бессонной ночью и всеобщим отчаянием, поскольку ребёнок уже несколько часов считался обреченным и все действия повитух были направлены только на то, чтобы спасти мать.

– Гильберта, твое заклинание! – прорыдала Роа. – Я не могу больше этого слышать! Зачем она так мучается? Что проку из этого?

Марта закивала головой, без слов: слезы душили ее. Да и сама Тамира, промучившись схватками более полутора суток, из последних сил шептала жалобно:

– Умоляю! Освободи нас!

– Хорошо, – сказала Гильберта и подошла к Тамире, прижимая к своему боку таз с водой. – Я сделаю. Только отойдите от нее, я не хочу зацепить вас.

Роа и Марта шарахнулись в разные стороны, зажав уши руками, словно само звучание заклинания могло им навредить. Гильберта произнесла его, негромко, но, как всегда, резко. Хлопок ладони, мучительный сдавленный крик Тамире... и ребёнок, словно рыба, начал выскальзываться из чрева матери. Марта подхватила его и торопливо завернула в какое-то полотенце, подвернувшееся ей под руки. Показалось ей, или нет, что тело ребёнка шевельнулось? Показалось, конечно, иначе и быть не могло.

– Я хочу его увидеть, – прохрипела Тамира, корчась от боли. – Не уносите его!

– Тамира! – воскликнула Роа. – Так нельзя! Даже не проси! Его уже нет!

– Дайте! – тоном, не терпящим никаких возражений, потребовала Тамира. – У меня должно остаться хоть что-то, хоть образ его я заслужила этими страданиями!

Марта обернулась и вопросительно посмотрела на Гильберту, стоявшую у неё за спиной с тазом воды в руках, который она взяла, чтобы обмыть Тамире и, получив разрешающий кивок, положила ребёнка матери на живот, затем взяла ножницы и перерезала пуповину. В конце концов, это был далеко не первый случай нарушения приличий, и ни один из подобных случаев не рассматривался, как преступление. Это было не более, чем маленькая уступка женщине, чье счастье умерло в полночь.

– Это мальчик, – прошептала Марта.

В ответ на эти слова, ребёнок вдруг содрогнулся всем телом. Из рта его полилась какая-то мутная жидкость. А потом в душном пространстве комнаты зазвучал странный тихий скрежет. Короткие отдельные звуки. Гильберта наклонилась к ребенку и, сообразив, что эти звуки есть ни что иное, как попытка задыхающегося малыша заплакать, выронила таз, окатив свои ноги водой. Её крик был гораздо громче этих странных скрежетаний. Она кричала, зажимая

себе рот руками, которыми она боялась дотронуться до новорожденного, словно от её прикосновения он мог рассыпаться или исчезнуть.

– Да что же это? – спросила Марта задыхающимся шепотом.

– Он плачет! – ответила Гильберта. – Надо что-то сделать – он живой!

Роа пришла в себя первой: схватила мальчика, переложила его на стол и начала перевязывать ему пупок. Остальные девушки кинулись ей помогать. Как по волшебству возникли откуда-то чистые пеленки, вода, полотенца. Возможно, что Марта, способная колдунья, просто создала все это из ничего. Опять же, сейчас всем было не до соблюдения приличий.

– Осторожнее! – командовала Роа. – Запеленайте его! Марта, держи его аккуратно, надо дать его матери. Неизвестно, надолго ли это. Ах, как же мы забыли?! Гильберта, беги скорее, скажи его отцу. Может быть, он успеет дать ему имя! Скорее же!

Вот тогда-то Гильберта, как обезумевшая, с перекошенным лицом, выскочила на улицу и понеслась по улицам, не разбирая дороги.

– Ах, он родился! Родился!

Время шло к вечеру и многим, из родившихся вчера, уже сравнялся полный день, а тот, кто взбудоражил весь город, продолжал тихо спать, прижавшись к материнской груди. Отец не отходил от дверей дома, где находились его жена и сын. Страх не отпускал его ни на секунду и каждый раз, кто-нибудь выходил из дверей, Гайхаллер вздрагивал и напрягался, готовый принять черную весть, как должную.

Но выходящие были безобидны. Вот Роа спустилась с высокого крыльца, неся на голове тяжелую корзину с грязным бельем. Лицо её было уставшим и спокойным, как у человека, который в тяжелой борьбе выполняет свой долг. Потом, весело пританцовывая, выбежала Марта и выплеснула на траву полный таз воды. Джаелс не окликал их. Не окликнул он Лийзу, которая вышла из душевых комнат просто подышать свежим воздухом и простояла минут десять неподвижно прислонившись к стенке. Ничего не спросил он у возвращающейся Роа. И только когда на крыльце появилась Гильберта, он встрепенулся и сделал несколько неуверенных шагов вперед. Но девушка как будто сама искала его: заметив высокую фигуру у ограды, она взмахнула рукой и поманила его к себе.

– Гильберта! – глухо вскрикнул Гайхаллер.

– Только не шуми, – откликнулась девушка. – Все в порядке. – И дождавшись, когда мужчина подойдет к ней и задаст свой вопрос одними только карими глазами, продолжила: – Знаешь, Джаелс, я ничего не понимаю. Он явно собирается жить дальше, так же, как все. Он просыпался час назад, поплакал немножко...

– Да, я слышал!

– Слышал его? Но ведь плакать мог любой ребёнок! Их там двенадцать...

– Я знал, что это он!

– О, я не спорю, Джаелс! Раз ты говоришь, значит, так оно и есть. Ты видел его волосы? Нет? Ну, конечно, ведь мы сразу запеленали его. У него длинные волосы – почти в три дюйма длиной – тонкие и светлые.

По лицу Гайхаллера прошла тень, которой, казалось бы, быть не должно. Но так уж вышло, что страх его оставался при нем, и даже радость причиняла ему боль.

– Светлые? – переспросил он, стараясь растянуть дрожащие губы в улыбке.

– Да. И кстати, такие же, как у сына Кристиана Витуни.

– Ах да, ведь у моей сестры вчера родился ребёнок. С тех пор, как пробило полночь, я обо всем забыл, даже о том, что я теперь дядя. Как она?

– Сам понимаешь, с ней-то все в порядке. И твой племянник чувствует себя великолепно. С твоим сыном они плачут хором.

На этот раз Гайхаллеру не пришлось выдавливать из себя улыбку.

– Ну, вот так-то лучше, – сказала Гильберта. – Сколько бы ни было тебе дано этого счастья – радуйся ему постоянно.

– Я так боюсь, – признался Гайхаллер, и в этот момент девушка вспомнила, что перед ней еще совсем молодой человек, который всего лишь на четыре года старше ее. Однако в своем возрасте он уже успел насмотреться на людей, сходящих с ума оттого, что им не улыбается удача, и дети их появляются на свет не вовремя... Его первенцу повезло. Необъяснимым образом, он продолжает жить и всем своим абсолютно нормальным видом заявляет, что готов жить и дальше.

– Я понимаю тебя, – сказала она. – Но помни, что ему итак повезло больше, чем многим другим. И я верю в то, что он будет жить.

Ночь Джаелс Гайхаллер провел рядом со своей женой, позволившей себе уснуть только потому, что Гильберта и Роа снова отступили от правил, и разрешили мужчине остаться на ночь в этом доме. Никто не осуждал их за это: все понимали, что молодая мать навряд ли сможет спать, если за её сыном не будет приглядывать тот единственный, кому она доверяла. Тамира спала, положив исхудавшую ладонь на животик своего ребёнка. Джаелс сидел рядом с ней и, при свете ночника, неотрывно смотрел в лицо маленького живого существа и шептал его имя, которое до момента посвящения, никто, кроме родителей знать не должен.

Ребёнок дышал ровно и тихо. За всю ночь он просыпался только один раз и, похныкав немного, снова уснул. Он понимал, что все вокруг, включая его самого, слишком устали за этот день и никому не хочется прерывать свой сон.

За стеной, на узкой деревянной скамейке, мертвым сном спала измотанная Гильберта. Немыслимое количество сил отняло у неё заклинание, еще больше измотал бег по улицам, а обычная вечерняя суета вокруг женщин и младенцев, вкупе с тревогой за необычного новорожденного, просто доконали. Даже во сне она чувствовала, как болят отбитые о деревянный пол колени, ноют натруженные ступни, гудят голова и руки...

То один, то другой младенец принимались плакать, требуя кормления, и матери просыпались, и кормили их, и снова в большой полукруглой комнате наступала тишина. Не спал только Гайхаллер, с именем своего сына на губах. Он не знал, что недалеко от него, не спит его младшая сестра Скиллиан, ставшая вчера матерью. Не спит, прижимает к себе своего ребёнка, смотрит на брата и думает о страхе. Ибо то, что она задумала, было страшнее, чем если бы её сын не успел родиться.

По одной из устоявшихся традиций, которым город следовал легко и охотно (для собственного же удобства и защиты разума), новорожденные проводили со своими матерями в доме-на-площади две ночи после своего рождения, после чего счастливые отцы уводили своих жен и малышей домой. Гайхаллер-младший и тут ухитрился отличиться: он провел в комнате первого этажа только одну ночь, после чего Джаелс заявил, что ждать не собирается и забрет сына немедленно. Одиннадцать других семей, неторопливо пеленавших младенцев, только добродушно посмеивались, глядя, как он суетится и уговаривает Тамиру собираться поскорее. Чтобы не перетруждать жену, еще не оправившуюся после тяжелых родов, он ранним утром договорился с мужем сестры Кристианом Витуни вскладчину нанять лошадь и телегу у городского конюшего, чтобы на них привезти семьи домой. Кристиан воспринял идею с восторгом, не преминув, впрочем, выразить мнение о том, что и его Скиллиан достойна отправиться домой не на своих двоих, хоть их ребёнок и не вызывал в городе такого переполоха. Джаелс был готов согласиться с любым мнением, лишь бы поскорее снова взять сына на руки.

В ту пору двory Гайхаллеров и Витуни, поселившихся после свадеб по соседству, разделяла только живая изгородь. Пока новоиспеченные матери нянчили малышей в домах, мужчины кружку за кружкой пили пиво, по очереди отправляясь в один из погребов, сгорая от желания угостить один другого, а то и любого, кто проходил мимо них по улице.

– За Витуни-младшего!

– За Гайхаллера-младшего!

В конце концов их жены, выбирая моменты, когда сыновья не ревели во весь голос (а делали они это действительно хором), начали подходить к ограде, требуя прекратить эту самочинную вечеринку, тянувшуюся с полудня до позднего вечера. Скиллиан при этом заметно нервничала и беспричинно сердилась, в то время как Тамира выглядела готовой с легкостью понять и простить непутевого муженька. Счастье переполняло ее, и глаза сияли так, что Джаелс не выдержал и сдался первым. Видимо, он устал от переживаний, бессонной ночи и сегодняшнего бесконечного празднования. К тому же, на завтра, как обычно, должна была состояться церемония посвящения и дарования детям имен. И Джаелс почти безропотно отправился вместе с женой в дом, где спал его удивительный сын. Кристиан пробовал остановить друга, но голова его гудела от выпивки и Скиллиан гневным шепотом ругала его на чем свет стоит; ему ничего не оставалось, кроме как уйти в дом. Там он, не раздеваясь, упал на постель поверх лоскутного покрывала, и пока жена снимала с него башмаки, провалился в тяжелый пьяный сон.

Хотя выпито на двоих и было поровну, Джаелс оказался крепче Кристиана. Придя домой, он долго стоял над колыбелью, при свете свечи разглядывая крошечное личико ребёнка, расплываясь в улыбке каждый раз, как малыш шевелил во сне губами или хмурил светлые почти неразличимые бровки.

Уставшая Тамира уже легла и даже начала дремать в ожидании мужа. Переведя на неё взгляд, он вдруг вспомнил, какими напряженными были для неё последние трое суток, и что вместо отдыха сегодня она весь день возилась с малышом, занималась какими-то домашними делами, да еще вынуждена была упрашивать его идти домой... её бледное лицо осунулось, и от того казалось угловатым на фоне рассыпавшихся темно-русых волос.

– Тамира... – прошептал Джаелс.

– Что, милый? – чуть слышно пробормотала она, пытаясь выбраться из наваливающегося на неё сна.

– Спасибо тебе за него.

Женщина слабо улыбнулась:

– Знать бы кого на самом деле благодарить за такой подарок. Ложись спать, дорогой.

Но в тот момент, когда Джаелс протянул руку, чтобы загасить свечу, в дверь кто-то постучал: негромко и сбивчиво, словно у стучавшего дрожали руки. Тамира приподняла голову и хотела встать, чтобы пойти к двери, но Джаелс остановил ее.

– Не вставай, – сказал он. – Я сам открою.

– Кто бы это мог быть? – пробормотала Тамира. – Так поздно... уж не случилось ли чего?

– Раньше, чем я открою дверь, мы этого не узнаем.

Тамира снова опустила голову на подушку, но продолжала следить за движениями мужа неожиданно встревоженными глазами, пока он не вышел из комнаты. Спустя полминуты он вернулся, ведя за плечо испуганную, обморочно бледную Скиллиан, державшую на руках своего ребёнка...

– Что случилось, сестрица? – спросила Тамира.

Скиллиан села на край кровати и, почти вплотную придвинувшись к жене своего брата, прошептала:

– Выслушай меня, ладно? Сначала просто выслушай, не перебивая, а потом... я думаю, что ты со мной согласишься. Только не думай, что я сошла с ума...

На другой день всех малышей родившихся в этот Имболк и одного, на день опоздавшего, принесли к маленькому храму – невысокому круглому зданию с башенкой, остроконечную крышу которой венчал золотистый шарик. Сюда, к месту, на котором когда-то казнили всех преступников, на третий день после рождения, приносили всех детей города. По традиции,

начало которой очень давно положила сообразительная и смелая женщина по имени Меган Стоуффоли.

Ровно в полдень двое мальчиков, служивших в этот день при храме – одним из них был, конечно же, вездесущий Генри Дилл – открыли резные дубовые двери, впуская нарядно одетых родителей с младенцами, которых, все по той же традиции, несли на руках матери. В центре круглой комнаты на вершине мраморной колонны, высотой в человеческий рост, уже горел огонь, зажженный рукой старейшины. Сам он, вместе с Гильбертой, стоял напротив входа у противоположной стены. Торжественная тишина клубилась под сводами башенки. Солнечный свет, падая сквозь витражные окна, окрашивал руки и лица людей в фантастические цвета.

Во время церемонии, мальчики-служки по очереди обносили детей вокруг колонны с огнем. В тот день, между ними даже возникла легкая ссора: оба они хотели нести необычного ребёнка, родившегося после Имболка. Но в итоге, Генри, как старший, уступил и взял на руки мальчика Витуни. В этот момент мать ребёнка должна была назвать выбранное для ребёнка имя. Но Скиллиан молчала, словно забыла о своей роли. И только когда Кристиан легонько подтолкнул жену под локоть, она опомнилась, и сдавленно сказала:

– Его зовут Дэниел.

Служка встал на медную пятиконечную звезду, инкрустированную в каменный пол храма ровно на восток от колонны, и двинулся от неё по ходу солнца. Сначала огонь на колонне горел ровно, но в тот момент, когда мальчик дошел до южной звезды, неожиданно вспыхнул ярче, взвившись стремительным искристым языком. Кристиан Витуни радостно улыбнулся и посмотрел на жену, но она не ответила на его взгляд, продолжая напряженно следить за ребенком, пока тот снова не оказался на восточной звезде. Оттуда служка передал мальчика в руки отца, поклонился ему, потом выпрямился и, повернувшись лицом к огню, громко сказал:

– Дэниел Витуни!

И сошел со звезды, чтобы взять следующего ребёнка. Второй служка встал на его место, держа в подрагивающих руках ребёнка Гайхаллеров. Постоял, глядя на огонь, и пошёл по кругу, гордый своей ролью в церемонии. Но когда он подходил к западной звезде, случилось неожиданное: ровное пламя вдруг пригнулось, припало к колонне, и будто бы даже солнце за окном спряталось в облаках – стало темнее. Тихий вздох пролетел по храму, а старейшина схватил Гильберту за руку так, что она поморщилась. Маленький Дэниел Витуни заплакал. И, словно испугавшись его голоса, пламя дрогнуло и выровнялось, а к тому моменту как служка достиг северной звезды, все уже успокоилось. Передав ребёнка в руки Джаелса, мальчик повернулся к центру зала и, неловко вздохнув от волнения, возвестил:

– Райвен Гайхаллер!

Снова пролетел по залу вздох, на этот раз означавший радость и что-то вроде одобрения. От мальчика Гайхаллеров ждали великих свершений и небывалых способностей. Но спустя семнадцать лет весь город будет с нетерпением ждать его смерти...

ДОМ-НА-ПЛОЩАДИ

Города-призраки... сколько на свете таких, как вы, неразличимых для глаз обывателя, либо закрытых от внешних вторжений? Кто может вас видеть, кто может пройти по вашим улицам? Кто живет в домах и какую жизнь ведет? За какие грехи вы обречены на вымирание? С небес над вами идут нескончаемые дожди или падает пепел, в лесах по окрестностям водятся призраки, охраняющие сокровища и неосвященные могилы. По ночам на улицы выходят оборотни и безголовые всадники, разыскивающие свои головы.

Городок Распиль можно бы было назвать призраком, но по сути он таковым не являлся. Люди могли свободно прийти в него и также беспрепятственно уйти оттуда, но никому не пришло бы в голову поселиться в нем. Жизнь кипела, не выходя за границы городка.

Посторонний, оказавшись он на этих улицах, не заметил бы какого-либо внешнего отличия от любого другого крупного поселения этого края. Те же одно и двухэтажные домики, в окружении огородов и цветников, те же улицы, может чуть более ухоженные или, непонятным образом, поддерживаемые в чистоте с легким налетом нарядности. Постороннему было бы приятно в городе... Его удивили бы только две особенности, отличающие его от еще нескольких похожих миленьких городков, раскиданных тут и там по окрестностям. Во-первых, большое количество беременных женщин самого разного возраста и, во-вторых, какое-то трепетное отношение к ним всех жителей города без исключения. К ним, да еще к детям, от младенцев до подростков. Казалось, все население, едва перешагнув за порог пятнадцатилетия, стремились к одной лишь цели: обзавестись многочисленным потомством, чтобы в дальнейшем без усталости лелеять его и баловать без меры. В общем, так оно и было, с одной лишь поправкой: наличием в семье более, чем одного ребёнка, могли похвастаться немногие. Встречались и такие, кому радость родительства не доставалась совсем, сколько бы раз не предпринимались попытки произвести на свет дитя.

Так повелось, что живые дети в этом городе рождались лишь четыре дня в году.

И не быть бы городу вовсе, если бы те его жители, кому посчастливилось увидеть белый свет, не рождались бы поголовно колдунами и ведьмами. Поскольку именно так повелевало проклятие, которое лежало над городом, как тяжелое душное покрывало. Как сплошные осенние облака даже в самый солнечный день.

Те же, кто не успевал родиться в один из четырех назначенных дней, идущих, надо заметить, и не подряд даже, а раскиданных по одному на каждое время года, появлялись мертворожденными. Оставшимся в живых ничего не оставалось, как яростно бороться за следующее поколение.

За двести пятьдесят лет до описываемых событий на площади перед церковью сожгли ведьму.

В день казни никто, из стоявших на площади, не придал значения словам, что прокричала с костра несчастная девчонка. Было ветрено и пламя яростно гудело, перекрывая её слабые выкрики. Отчетливо был слышен только кашель – дрова, хоть горели хорошо, но исходились по непонятной причине густым темно-серым дымом. И в этом, пожалуй, ведьмочке повезло: она потеряла сознание раньше, чем вспыхнуло её рубище. Но времени ей с лихвой хватило на то, чтобы жестоко поквитаться с горожанами, присудившими её к казни.

– Что она там кричала? – с тяжелой ухмылкой спросил у своего друга Ирвин Стоуффолли – один из местных фермеров, селившихся на окраинах города. Его одолевало непонятное тягостное чувство и даже три кружки пива, выпитые за последний час, не могли помочь ему справиться с внезапно навалившимися тоской и страхом.

– Я не расслышал, – сказал его собеседник. – Пламя так ревело... Вроде что-то про детей и колдунов.

– И я слышал что-то подобное...

– И я, – тихо добавила жена Ирвина Меган, идущая рядом с ним. Пальцы её мелко дрожали, и она испуганно цеплялась за локоть мужа.

Странная тишина обволакивала улицы. Обычно подобные мероприятия на городской площади становились своеобразным развлечением. Впрочем, до смертной казни дело доходило редко и чаще горожанам приходилось довольствоваться видом должников в колодках у позорного столба или наказания плетью за воровство. Последний раз полюбоваться на то, как качается в петле висельник-убийца, им довелось за полтора года до сожжения ведьмы. Все-таки на дворе было не четырнадцатое столетие, когда по обвинению в колдовстве можно было разом спалить половину местного населения. Так что в тот день у собравшихся на площади был законный повод весело провести время, согласно устоявшимся обычаям. Но веселья не получилось, и, уходя с площади, люди невольно спрашивали себя, что они сделали не так?

И как поговору они спрашивали друг у друга:

– Ты не расслышал, что она кричала?

Ответы были однообразны:

– Что-то про колдунов и ведьм...

– Что-то про детей и колдунов...

– Что-то про ведьм и четыре дня...

Какие четыре дня? Да кто знает! Может у девчонки в голове все перевернулась от страха, вот и кричала невесть что... Пойдём, дружище, выпьем за упокой её души, может и примут её там в царствие небесное... Она же никому плохого не делала, варила травы какие-то, зверье лечила и людей тоже... А люди её на костер повели... Пойдём, выпьем.

Первое эхо того отчаянного и непонятого крика прозвучало спустя всего лишь неделю после казни. В доме булочника родился мёртвый ребёнок. Никому из его убитых горем родственников в голову не пришло связать между собой два этих события. Никому. Кроме матери малыша. Дочь булочника оплакивала свое дитя с обреченной горечью человека, знающего, за что он несет наказание. Три дня она молча плакала в своей комнате и только после того, как тело малыша было похоронено за кладбищенской оградой, она рассказала матери, что накануне родов видела во сне горящую на костре ведьму, кричащую что-то о детях. Мать в ужасе схватилась за голову, сопоставив красочное и весьма достоверное описание казни с тем фактом, что дочь не присутствовала на площади. И впервые в городе прозвучало слово, которое окрасит его жизнь в странные краски на ближайшие столетия.

– Девчонка наслала на нас какое-то проклятие!

Вернувшиеся с работ мужчины выслушали женщин, но не восприняли всерьез их влажные от слез восклицания. Однако уже на следующий день из дома булочника выполз легкий, как запах свежего хлеба, слухок о том, внук хозяина дома умер неспроста, и что жена и дочь его оплакивают ту самую ведьму.

«Так что она там кричала?»

«Я не слышал, очень громко гудело пламя...»

«Что-то про детей и колдунов...»

В течение следующих десяти дней в городе умерло еще двое малышей и, вместе с невнятными слухами, по улицам расползся страх. Осознав грозящую им опасность, жители города заметались, как стая птиц, и теперь вопрос «что она прокричала с костра?» требовал четкого ответа.

Те семьи, где ждали детей, ходили на стайки диких зверей, рьяно оберегающих будущее потомство от охотников. Но что тут можно было сделать, если вместо людей с ружьями и сетями им угрожало жуткое невидимое и бесплотное проклятие?

В середине октября была предпринята первая попытка побега. Один из фермеров увез свою беременную жену в соседний городок. Через неделю они вернулись без ребёнка, потемневшие от горя, истощенные ужасом... Проклятие было наложено не на город, а на его жителей.

Фермера и его жену встретили глухим молчанием. Люди выходили на улицы, смотрели на маленькую повозку и торопливо скрывались в домах, чтобы поплакать или помолиться. Кому в чем утешение...

Но ни слезы, ни молитвы не помогали, и дети рождались мертвыми.

Жена Ирвина Стоуффоли, находившаяся в те дни на восьмом месяце, восприняла новость о бессмысленности выезда из города спокойно, словно заранее знала, что так оно и будет.

– Может уже пора выяснить, что кричала с костра эта девочка? – спросила она у мужа, отрывая взгляда от окна, за которым только что проехала повозка. – Дала она нам хоть какую-то лазейку или решила известить нас под корень?

Ирвину нечего было ответить. Чувствуя, что не может сейчас находиться рядом с женой, он взял шляпу и вышел на улицу.

Над городом стоял плач. Потерявшие последнюю надежду женщины выли, а мужчины и вторили им.

«Мы все больше напоминаем волков», – подумал Ирвин и, вспомнив о своей жене, чуть было не завыл сам. Его Меган, глядящая в окно пустыми глазами и обнимающая свой большой живот. И требующая – не голосом и не глазами, а чем-то напряженным и тяжелым изнутри: узнай, Ирвин, узнай, как спасти нашего ребёнка!

Но сколько Ирвин не силился, он никак не мог вспомнить слов, которые кричал с костра ломкий от слез и кашля голос...

В баре трактира при гостинице в тот день собралось много народа, преимущественно мужчин. Атмосфера непринужденного веселья и дружеских посиделок, обычно царившая в этих стенах, была на корню отравлена ядовитыми испарениями проклятия. Мужчины, лишённые права иметь потомство, неожиданно оказались словно наизнанку вывернутыми. Не обсуждались в эти дни ни стервозные характеры жен, ни дикие выходки несносных отпрысков. Именно в те дни зародилось необыкновенное отношение к детям – словно каждый из них (свой ли, чужой ли) ценился на вес золота. Даже отцы многочисленных семей смотрели на мир с унынием и тоской, поскольку ужасная судьба следующего за ними поколения, казалось, уже предопределена.

То из одного угла, то из другого Ирвин слышал угрюмые вздохи, сопровождающие все тот же вопрос: «что она прокричала с костра?»

– А ведь я стоял так близко...

Трактирщик, вытирающий у стойки пивные кружки, поднял голову и удивленно посмотрел на Ирвина.

– Если бы я придавал хоть какое-то значение её словам... если бы прислушался...

– Ну и что бы это изменило? – спросил трактирщик.

– Возможно, я бы знал, как спасти моего ребёнка.

Трактирщик недоверчиво пожал плечами и снова вернулся к кружкам. Он не отличался острым умом и не мог проследить двух вероятностей разом.

– Если бы я только мог вспомнить... – тяжело пробормотал Ирвин и двумя глотками допил все, что осталось в кружке. Третьей за этот вечер.

– Примете мою помощь – вспомните, – сказал негромкий хмурый голос.

До Ирвина смысл слов не дошел. Несколько секунд он продолжал сидеть неподвижно, потом повернул голову и посмотрел на того, кто их произнес.

Это был юноша, непонятного возраста, держащий на руках хозяйского кота и прячущий глаза под длинным русым чубом. Он кутался в потрепанный шерстяной плащ с капюшоном, что было странным, учитывая близость ярко горящего камина.

– Ты что-то сказал, паренек?

– Я сказал, что могу помочь тебе вспомнить, – вкрадчиво прошептал юноша. – Ты ведь хотел вспомнить...

В другой момент Ирвин, в соответствии со складом своего характера, скорее всего не поверил бы своему собеседнику. Будь он чуть менее пьян, он, возможно, насторожился бы. Но он только невесело рассмеялся и отмахнулся.

– Брось, парень, нельзя вспомнить то, чего не знаешь. Я ведь не забыл... Я действительно не прислушивался. А ведь мог... я мог...

Юноша откинулся на спинку стула и прижался щекой к ушам кота. Глаз своих он по-прежнему не показывал.

– Мне-то почудилось, что ты готов сделать все, чтобы спасти своего ребёнка, – насмешливо сказал он.

Ирвин тряхнул головой, прогоняя хмель, наклонился ближе, чтобы разглядеть лицо собеседника, но сумел увидеть только круглый по-детски мягкий подбородок, явно не так давно познакомившийся с бритвой. Все остальное было закрыто длинной челкой и кошачьим ухом.

– Я не видел тебя раньше. Откуда ты взялся?

– Разве ЭТО так важно?

– Чего ты хочешь, кошачья ты душа?

Юноша не сдержал улыбки: прозвище его явно порадовало.

– Я хочу помочь, – сказал он. – Хотя вы этого не заслуживаете.

– В чем же, позволь узнать, мы провинились? – Ирвин был уже почти трезв, а потому почти зол. – Уж не тем ли, что разделались с бедной беззащитной ведьмой?

– Может и этим...

– Придержи-ка себя за язык, малыш. Ты знаешь, что я могу донести на тебя? В этом случае ты рискуешь пойти вслед за ней.

– Для того чтобы доносить, надо знать на кого доносишь. Разве ты знаешь мое имя?

– Не знаю. И доносить на тебя не собираюсь. Знаешь почему?

– Потому что в глубине души ты сожалешь о том, что вы дали сжечь Эльвин. И даже не потому, что ваши дети теперь умирают. Ты действительно раскаиваешься.

Ирвин усмехнулся:

– Да ну?

Неизвестный молча прятал улыбку в кошачий загибок. И с лица Ирвина медленно сползла ухмылка. Остатки хмеля развеялись. Юноша сказал правду, хотя изначально Ирвин и не думал о раскаянии.

– Ты... кто?

– Ты разрешишь мне помочь?

Ирвин протянул руку, чтобы откинуть волосы с глаз собеседника и увидеть, наконец, с кем он разговаривает, но юноша перехватил его руку на полпути.

– Разрешишь или нет? Подумай – может, я в последний раз предлагаю?

И тогда Ирвин сдался. Почувствовав это, юноша рывком наклонил голову набок, резко, словно уронил ее. Пряди его волос съехали на сторону, и Ирвин увидел угольно-черный глаз, из которого блеснул вдруг резкий ярко-синий огонек, того ясного чистого цвета, каким бывает небо в майское утро. От пронзительного холодноватого блеска неожиданно повеяло жаром и запахло дымом...

...Ирвин снова стоял на площади перед церковью и с задумчивой неприязнью смотрел, как разгораются дрова и трепещущие на ветру, гудящие языки пламени тянутся к ногам плачущей девушки. Из толпы слышатся насмешливые голоса и ведьма по имени Эльвин («разве я знаю её имя?») отворачивается, смотрит в сторону. Потом, вдруг вытягивается во весь рост, и кричит, захлебываясь слезами и кашлем. Чтобы разобрать слова, Ирвин идет вперед, так, что костер оказывается совсем близко, и слышит, наконец-то, что хотел:

– ...тьма и слёзы! Тьма и слёзы будут городу! Будут в нем жить одни ведьмы! Ведьмы да колдуны! Большими Саббатами дни отмечены, когда смогут родиться они! Остальным – тьма и слёзы! Тьма и слёзы!

Высокий рыдающий вопль пронесся над толпой, но прозвучал он не с костровища, а из толпы, слева. На него никто не успел обратить внимания: ровное жаркое пламя окрасилось вдруг клубами удушливого темного дыма, который, как нарочно, несло прямо в лицо Эльвин. Сквозь горячий воздух Ирвин попытался разглядеть кричавшего и с удивлением увидел того юношу, который спустя несколько недель вернет его на площадь...

Светловолосый незнакомец стоял, кутаясь в тот же темный шерстяной плащ. Полой этой потрепанной одежды он закрывал от огня, дыма и людского глаза маленького ребёнка... Его лицо было открыто, но искажено горьким плачем. Несомненно, кричал именно он. Да не про-

сто так кричал, а заставлял дрова источать дым, который душил ведьму... а сам-то он кто? ... почему плачет из-за этой девчонки? ...зачем принес сюда ребёнка? ...это её ребёнок? ...или его? ...или их общий? ...как он вызвал дым? ...или он тоже? ...тоже...

Голова Эльвин упала на грудь и больше девушка уже не шевелилась. Занимался подол её рубища. Юноша торопливо уходил с площади, прижимая к себе малыша. Не желая упускать его из виду, Ирвин машинально сделал несколько шагов вперед, забыв, что сейчас он стоит очень близко к костру. Испуганный треском собственных загорающихся волос, он вздрогнул и очнулся.

...Странно было то, что треск огня не стих, но стал сдержаннее. Ирвин не сразу понял, что это трещит пламя в камине. Несколько секунд он сидел, размышляя об увиденном, вернее, просто прокручивая это видение в голове. Разгорающиеся дрова, плач Эльвин, крик неизвестного юноши...

Ирвин перевел взгляд на то место, где минуту назад был его собеседник, но теперь на табурете сидел большой бурый с черными полосами кот. А юноша уже подходил к двери, на ходу накидывая на голову капюшон. Не желая отпускать его без объяснений, Ирвин поднялся и даже успел, что-то крикнуть, но незнакомец быстро обернулся. Снова мелькнул под его челкой ярко-синий огонек... Тугая волна непонятной силы вдруг толкнула Ирвина назад, и он вынужден был сесть. Во рту у него пересохло и все, что он хотел спросить, он смог произнести лишь шепотом:

– Кто ты? Как ты вызвал дым?.. Что такое... Большие Саббаты?

Трактирщик снова поднял голову от своих кружек:

– Ты что-то сказал, Стоуфолли?

– Кто был этот парнишка?

– О ком это ты?

Ирвин указал на табурет с котом:

– Только что он сидел здесь. Светловолосый, в шерстяном плаще с капюшоном.

Трактирщик усмехнулся:

– В плаще? Так он, видать, проезжий. Откуда мне знать, кто он был. Зачем он тебе сдался?

– Он... – Ирвин запнулся на полуслове, не зная, как объяснить. – Он как-то связан с этой ведьмой.

Усмешка сошла с лица трактирщика, он смачно плюнул на пол, словно забыв о том, что в своём трактире чистоту он ценит едва ли не сильнее, чем выручку.

– Далась она тебе! Столько горя от неё городу... Говоришь, парень с ней связан? Так он, видать, в кота обернулся, с него и спрашивай.

Кот щурил на огонь желто-рыжие глаза и облизывался, показывая острые зубы. Посмотрев на него, Ирвин встал и пошёл по залу, спрашивая у всех подряд, не видел ли кто юношу в шерстяном плаще. Но люди только отмахивались: большинство из них уже порядком набрались и никому дела не было до неизвестного парня. Ушел и бог с ним...

Не знал никто и про Большие Саббаты.

Ирвин заметался по залу, на него уже смотрели, как на сумасшедшего. Те, кого еще не окончательно подкосил хмель, вставали и пытались урезонить его, даже трактирщик оставил свои кружки и вышел из-за стойки, но Ирвин ничего не слышал.

– Он был на площади!

– Кто?

– Да парнишка этот! Он заставил дрова задымиться и задушил дымом ведьму. Колдун, разумом клянусь, что он колдун!

Кто-то расхохотался:

– Не дорого стоит твой разум, Стоуффоли! Ты сейчас на безумца скорей похож!

– Он колдун, его поймать надо.

Трактирщик снова плюнул:

– Хватит! Поймали уже одну!

На глазах Ирвина выступили слезы:

– Как же вы не понимаете?.. Он что-то знает... Знает про Саббаты...

– Да на что нам твои Саббаты?

– Большими Саббатами дни отмечены, когда смогут родиться они, вы понимаете? Вот, что она с костра кричала!

В зале мгновенно поубавилось количество пьяных голов: люди стремительно приходили в себя и уже более старательно вникали в сказанное Ирвином. Постепенно до всех доходило значение его слов. Люди вставали, выходили на улицу, спрашивая у редких прохожих о незнакомце в плаще. Многие забежали в дома и приносили оттуда фонари и факелы. Город наводнился огнями и криками.

Поиски продолжались до утра, но незнакомец, казалось, растворился в тумане, что вечерами стелется по окраинам города. Его не видели ни на рыночной площади, ни у ворот, которые отделяли улицы города от большого тракта. Некоторые даже поговаривали, что Ирвину спяну просто привиделся странный юноша.

Впрочем, его слова о том, что кричала с костра ведьма, никто под сомнение не ставил.

Уставший и охрипший от криков, Ирвин пришёл домой под утро. Меган спала в кресле, где сидела накануне, возвращения ожидая мужа. Сон ее, нервный и зыбкий, распался при его появлении. Она выпрямилась и спросила раньше, чем успела открыть глаза:

– Ты узнал?

Ирвин посмотрел на жену мутным взглядом и мрачно буркнул:

– Узнал...

Она молчала. Умная семнадцатилетняя женщина, без слов смотрела, как её муж сбрасывает у дверей грязные башмаки, и как ополаскивает лицо у раковины. Вид у Меган был такой, словно в любую секунду она готова снова провалиться в сон.

– А про детей-то она ничего и не кричала, – сказал вдруг Ирвин.

– Но все говорили...

– Все просто знали, что это имело отношение к детям. А она ведь даже слова этого не произнесла.

Меган вздохнула и сложила руки на животе. Её ребёнок рьяно толкался изнутри, требуя от матери каких-то действий для спасения своей жизни.

– Ты не знаешь, что такое Большие Саббаты? – спросил Ирвин.

Меган удивленно повела бровью:

– Это вроде бы... колдовские праздники.

Ирвин усмехнулся, подошёл к ней и сел рядом:

– Откуда ты знаешь? – спросил он.

– Не все, что говорят лишнего, надо пропускать мимо ушей.

Она помолчала задумчиво и добавила:

– Мне рассказывала моя двоюродная бабушка. Она была из Кенвилла. Как-то раз мы с мамой ходили к ней в гости. Она сплела мне куклу из соломы и сказала, что в тот день был праздник и так положено делать, чтобы был хороший урожай... она что-то объясняла, но я была маленькая и почти ничего не помню.

– Ну, хоть что-нибудь ты помнишь?

– Один будет скоро. В последний день октября.

Ирвин неожиданно улыбнулся:

– До этого я, пожалуй, мог бы и сам додуматься... канун дня всех святых.

– Да, да. Только он называется как-то по-другому.

Пальцы Меган теребили передник.

– Ах, жаль, что бабушки давно нет в живых. Я бы не поленилась дойти до Кенвилла. Кто еще может знать про эти праздники? – спросила она.

– По-моему, никто. Зачем знать то, за что тебя могут повести на костер?

Неожиданно в мутных от усталости глазах Ирвина завихрилась мысль:

– Кто ведьм на костер водит, тот и знает! – сказал он.

Не смотря на ранний час, город не спал. Люди ходили по улицам и судачили о случившемся ночью, перемывали кости Ирвину, гадая был ли его собеседник явью или пьяным бредом. Завидев его, шагающего куда-то решительным шагом под руку с женой, все умолкали и провожали их недоумевающими взглядами. Что касается настоятеля церкви, то отец Грегор встретил чету Стоуффоли на пороге своего дома скорей в страхе, хоть и старался это скрыть.

– Д-добрый день, – пробормотал он, сжимая пальцами тяжелый крест, висевший у него на груди.

Услышав его заикание, Ирвин хмыкнул, а Меган, сердито ответила:

– Сейчас не до вежливых приветствий, пастор, вам не кажется?

По лбу священника побежали капельки пота, словно черти за какие-то особые грехи уже разложили у него под задом костер.

– Что вас привело сюда в столь неурочный час? – спросил он, сдерживая заикание.

– Да вот, извольте видеть, проклятие над нашим городом, – язвительно заметил Ирвин. – Дети у нас умирают. А святая церковь и не почешется, словно её это не касается.

От такого, явно кощунственного заявления, отец Грегор взял себя в руки и пошёл в наступление:

– Я не знаю ни о каком проклятии! При чем здесь я, если Господу было угодно забрать эти невинные души в царство свое?

Меган поморщилась:

– Не много ли мертворожденных младенцев вы отпели за последние три недели, отче? Или... ах, да, я и забыла: некрещеных не полагается отпевать. Так вы, видимо, не знаете, что со дня сожжения... – она замялась: слово «ведьма» застряло у неё в горле, а имени её она не знала.

– Эльвин, – подсказал ей муж. – Со дня сожжения Эльвин.

– Спасибо, милый. Со дня сожжения Эльвин в городе не родилось ни одного живого ребёнка. Зато мертвых было больше дюжины. Вас не удивило, что в последнее время вы не проводите крестин?

Священник силился что-то сказать, но слов не находил и только издавал горлом какие-то протестующие звуки. За спиной Ирвина и Меган уже собирались люди, жадно прислушиваясь к разговору и даже, возможно, желая присоединиться к сказанному, но помалкивали, поскольку не хотели упустить ни слова.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – промямлил, наконец, настоятель.

– Да уж чего тут понимать, – сказал Ирвин, не скрывая насмешки. – Вы, святой отец, вынесли приговор бедной девочке, которая, заметьте, никому не причиняла вреда. А мы, как стадо ослов, повиновались вам и никто слова против не сказал.

– Я сделал так, как велит мне мой сан и мой пост, – воскликнул священник. – Ворожеи не оставляйте в живых!

– Ну да, главное – не забудьте ей рот завязать, чтобы она вас с костра не прокляла. В общем, хватит пустых слов, святой отец! Эльвин Тануби прокляла город, и в нем перестали рождаться живые дети. Очистите душу свою от греха, хоть немного, скажите нам, что такое Большие Саббаты?

Священник вздрогнул:

– Не смейте у меня об этом спрашивать! Я ничего не знаю!

Неожиданно Меган вытянула вперед руки и схватила отца Грегора за горло. Силы её тонких пальцев хватило на то, чтобы настоятель моментально засипел. Безумный блеск в глазах женщины отнял у него всякую охоту к сопротивлению.

– Скажите нам, отче, иначе я не отвечаю ни за себя, ни за других матерей, которые уже потеряли детей или могут вскорости потерять. Большими Саббатами дни отмечены, когда смогут родиться они. Так сказала Эльвин. Я вам даже подскажу немного: это колдовские праздники. Их восемь.

– Больших Саббатов четыре, – прохрипел священник и облегченно вздохнул, когда хватка Меган ослабла. Он отер пот со лба, оглядел собравшихся (а их было уже с полсотни), и продолжил: – Их всего четыре. Скоро будет... Самайн. Это в последний день октября. Потом Имболк, второго февраля. Первого мая, Белтайн – шабаш, Вальпургиева ночь. И затем... первого августа, праздник урожая... Лагнасад. Иногда их называют по-другому, но я не знаю как...

Наступила тишина, а затем разлился в толпе горестный многоголосый плач. Отец Грегор нервно тискал в пальцах распятие и испуганно смотрел на людей, гадая, будут ли они вымещать на нем злобу за постигшее их несчастье. Но никому до него не было дела и это его даже несколько обидело.

– Вам должно молиться, – сказал он. – Молиться, чтобы дети ваши родились в назначенный день.

– Стало быть, вы поверили? – с презрением спросил Ирвин. – До вас дошло наконец-то? Думаю, что вам придется уяснить еще одну истину: ничем ваш Бог помочь не может. Или вы думаете, что те, чьи дети уже умерли, не молились? Думаю, они дни и ночи простояли на коленях, с просьбой спасти их младенцев. Бог не особенно озаботился их молитвами.

– Не святотатствуй, сын мой...

– И это все, что вы можете сказать? – удивилась Меган. – Отныне в нашем городе будут жить лишь ведьмы и колдуны, или же вообще никто жить не будет. Если бы Богу было угодно, то ни один ребёнок не родился бы раньше Самайна... но ему все равно. Может быть, он даже рад этому проклятию? Вам не кажется? Он присоединяется к наказанию, которое мы несем за то, что убили Эльвин.

Священник снова не находил слов, но теперь он даже не пытался ничего сказать. Меган взяла мужа под руку и повела к калитке. Пройдя несколько шагов, она обернулась и сказала:

– Убирались бы вы отсюда вместе с распятием и молитвами. Не вводили бы нас в еще один грех.

В безлунную октябрьскую ночь Ирвин Стоуффоли вышел на площадь, держа в руке зажженный факел. Было около двух часов, когда он поднялся на крыльцо церкви и, убедившись, что дверь заперта, а значит, внутри никого нет, разбил боковое окно и бросил факел внутрь. Затем вытащил из внутреннего кармана куртки бутылку виски, сделал добрый глоток прямо из горлышка и отправил её в то же окно, с силой ударив об пол.

Огненные языки взметнулись к потолку, осветив испуганные лица святых. Ирвин же, не удержавшись от презрительного плевка в огонь, спустился с крыльца и встал посреди площади, глядя, как разгорается за витражными стеклами оранжевое зарево. Глаза мужчины, казалось, выпитывали огонь, чтобы сжечь вслед за церковью свою душу... или просто разжечь её...

Когда на площадь стали сбегаться люди, пламя уже перекинулось на башню. Странная вещь происходила со всеми горожанами, кого разбудили падающие с улицы отсветы пожара или взволнованные крики соседей: словно по заранее написанному сценарию, они выбегали с боковых улиц, шарили испуганными глазами по зданиям и вдруг, обнаружив, что горит церковь, успокаивались. Выражение тревоги на их лицах сменялось безразличием, граничившим с апатией, словно пожар в храме случался в городе не реже, чем раз в неделю. Самое обыден-

ное событие... Впрочем некоторые (из коих большинство являлось родителями умерших за последнее время младенцев) даже выражали свое одобрение.

Никто не пытался воспрепятствовать огню, даже для видимости. Небо над площадью наполнилось мрачным торжеством, постепенно овладевавшим собравшимися людьми. Все понимали, что уничтожение оплота божьего никак не повлияет на то, что происходит с новорожденными. Богу все равно.

В глухом молчании люди смотрели, как горит и рушится божий дом. Лишь один раз пролетел над толпой единодушный вздох, в тот момент, когда сорвался со стропил и с жалобным стоном рухнул вниз церковный колокол. Искры столбом взвились над разваливающейся башней, и в их стремительном хаотичном полете было что-то пугающее и зловещее...

К рассвету, когда на месте церкви догорали последние головешки, стало известно, что отец Грегор бежал из города. Ирвин Стоуффоли то и дело возвращался на площадь и говорил каждому, кого встречал:

– Если мой ребёнок родится живым, я построю на этом месте новый храм.

То же он сказал и Меган.

– Нет, Ирв, – возразила она, зло усмехаясь, – если Бог не убил тебя молнией за то, что ты сжег церковь, значит, ему нет дела ни до тебя, и до меня, ни, тем более, до нашего ребёнка.

Прошла неделя с той ночи, как город лишился храма. Близился День все святых, умер еще один младенец и наступил Самайн.

Меган не легла спать. В необычно жестком тоне, не допускающем не только возражений, но даже вопросов, она приказала мужу не беспокоить ее, ушла на кухню и села у окна, поставив на подоконник свечу. Взглядом твердым, как у стрелка перед выстрелом, она смотрела в глубину темного двора за окном и молчала. Ирвин не посмел послушаться приказа и окликнуть ее. Поднимаясь на второй этаж, он несколько раз обернулся к жене, со странным чувством, похожим на страх, и мрачно гадал при этом: уж не одолели ли её бесы?

Минула полночь и Меган начала напряженно прислушиваться к звукам, доносящимся сверху. К величайшему своему облегчению, в шелест ветра и стук полуголых веток по крыше, вплетался негромкий храп мужа.

Стиснув ладоням плечи, Меган встала, словно подняла себя со стула и понесла вперед, через кухонную дверь на крыльцо, через черноту двора к сараю. Там она остановилась и, сдерживая дрожь, осмотрелась вокруг. Ночь была тихая, безоблачная, и воздух пах приближающимися первыми заморозками. Трясущимися руками женщина подняла с земли и поставила у стены тяжелую лестницу...

Никогда еще сарайчик, в котором Ирвин держал свой хозяйственный инвентарь, не исполнял такой странной роли: после третьего прыжка Меган в небольшую кучу сена, которую она приготовила еще с вечера, крыша низкого деревянного строения превратилась в родовое ложе. То ли от страха и нервной встряски, то ли от ударов о едва закрытую сухой травой землю, у женщины начались схватки. А на рассвете измотанная и почерневшая от переживаний юная миссис Стоуффоли принесла в дом крохотную, но живую и весьма шумную девочку.

Первую урожденную ведьму в проклятом городе.

Соседи бурно обсуждали это событие, расходясь во мнениях на множество разных позиций. Были те, кто удивлялся: как она не побоялась? И те, что хвалил юную мать за смелость и силу. И другие, кто ласково журил её за риск, которому она подвергла здоровье и жизнь своего ребёнка, а с ним заодно и себя, признавая при этом, что выбора у неё не было.

Были и те, кто клял Меган и её дочь, как ведьмино отродье и творение ада. Впрочем, среди них не было тех, в чьих семьях ждали детей.

Что касается новоявленной матери, то она, разумеется, была счастлива. Няничла маленькую Дороти и говорила:

– Ведьма так ведьма. Лишь бы здоровая была.

Малышка, и в самом деле, радовала отменным аппетитом и завидным для недоношенного ребёнка здоровьем. Родители не могли нарадоваться на свою красавицу, в доме Стоуффоли царили радость и гордость. И только по ночам, в поздних тихих разговорах мелькала грустная стыдливая тема:

– Мы, в самом деле, совершили ужасное преступление, когда позволили сжечь бедную девочку – говорила Меган. – Она никому не мешала, просто мы побоялись высказаться в её защиту. Если её душе будет легче от того, что наша дочь будет ведьмой, то пусть так и будет.

На третий день после родов, Меган принесла свою дочь к месту сожжения Эльвин и трижды обнесла её вокруг того места, с которого уже давно убрали остатки помоста, но где все еще было различимо темное пепельное пятно. О смысле своих действий она не задумывалась, словно исполняла давно заведенный и очень значимый ритуал. Так было нужно, и потому на все расспросы мужа Меган сказала только:

– Помнишь, ты обещал построить новый храм?

– Помню и от слов своих не отступаю, – ответил Ирвин.

– Так вот: храм надо построить на том месте, где сожгли Эльвин, – твердо произнесла Меган. – А на месте старой церкви построй дом, где будут рождаться дети.

Неожиданно к делу возведения нового здания, которое еще при закладке фундамента стали называть «дом-на-площади», по собственной воле присоединилось множество людей (по большей части в их семьях ждали детей), поэтому на его постройку ушло всего лишь шесть месяцев. И он был великолепен.

«Ведьмин круг да будет в основе», – сказал Ирвин и нижний этаж дома стал круглым, словно сложенная из кирпичей бочка. В стенах прорезали огромные окна и, вспомнив о сожженной церкви, вставили в них витражные стекла. Повторять церковные мотивы, разумеется, не стали: новые окна расцвели яркими цветочными орнаментами. Правда, хотели поначалу набрать витражи из колдовских знаков и символов. Но, во-первых, в городе не нашлось человека, достаточного сведущего в этом вопросе, а, во-вторых, женщины, наблюдавшие за строительством и собиравшие цветные стекла в рисунки, запротестовали: мол, это уже перебор. Они-то не ведьмы!

Второй этаж был с первого взгляда больше похож на обычную постройку, но в действительности таковой не являлся. Шокированная изломанным бытием фантазия архитекторов создала просторную шестиугольную башенку, поделенную внутри на три комнаты разной формы. Окна второго этажа сделали узкими и высокими, без витражей, но с частыми и легкими переплетами рам из светлого дерева. В той комнате, что смотрела окнами на восток, предполагалось рождаться детям.

Был и третий этаж, тоже башенка, но значительно меньшая по размеру, внутри которой повесили тот самый колокол, упавший во время пожара в церкви. От удара о землю он не пострадал, только закоптился дочерна и женщины потратили несколько дней, чтобы оттереть его песком и мелом. Оскорбленная медь тонко скрипела и ныла под их пальцами, а может и пела... этого никто понять не мог. Однако когда обновленный колокол подняли на башню, он засиял на солнце, как чистое золото. Впрочем, смотреть на него людям было больно и в пасмурные дни... да и голос его с той поры стал другим: тревожным и гулким. Теперь он звонил только четыре раза в год, и от этого звука у жителей города бессильно опускались руки.

День наступал. Но что они могли сделать?

ТРАВНИЦА

Следующим Саббатом, последовавшим за рождением малышки Дороти, был Имболк – день первого ветра. За несколько дней до его наступления о детях неродившихся стали говорить так: «город потерял...»

Так вот, с момента появления Дороти Стоуффоли до первого Имболка город потерял не меньше трех дюжин детей. Ведь до того никто еще не подсчитывал, когда лучше зачать ребёнка...

Тех же, кто сумел дождаться назначенного дня, пытались спасти, не жалея ни сил, ни здоровья. Многие женщины рискнули повторить подвиг Меган, однако, в итоге поломанных ног получилось больше, чем рожденных детей... Другие пытались спровоцировать роды, поднимая различные тяжести и изнуряя себя едва ли не каторжной работой. За весь день произвести на свет удалось лишь троих. К полуночи город огласился диким воем женщин: тех, у кого роды все же начались, но не успели завершиться до срока, и тех, у кого роды вообще не начались. Они понимали, что доносить своих детей до следующего «праздника» – Белтайна – у них нет никаких шансов.

В то время зародилось немало традиций, коим жители города будут следовать следующие двести с лишним лет. Во-первых, по мере возможности зачинать детей приблизительно за девять месяцев до одного из Саббатов. Никакой гарантии, лишь слабое повышение количества шансов на удачу.

«Нерожденных» детей по новым обычаям повитухи даже не показывали матерям. Просто передавали их тела, завернутые в грубый холст через маленькое окно кладбищенскому сторожу. И всё. Даже имен «нерождённым» давать отныне не полагалось. Не было времени оплакивать мертвых, а все силы были направлены на то, чтобы помочь тем, у кого еще есть возможность родиться.

В Белтайн следующего года, который, кстати, дал старт новому летоисчислению Распиля, не родился никто. Одна из женщин разбилась насмерть, выбрав для прыжка слишком высокую крышу. Еще две несостоявшиеся матери попытались наложить на себя руки, впрочем, безуспешно. Обеих вытащили: одну из воды, другую из петли, попутно втолковав им, в чем нынче смысл жизни.

Три месяца спустя в Лагнасад – тот самый праздник урожая, когда положено делать кукол из соломы – детей обрели две семьи. Так и пошло дальше: вместо нескольких десятков детей, которые обычно рождались в течение года, город получал теперь не больше пяти-шести малышей. Многим уже мерещилось, как пустеют улицы обреченного на вымирание Распиля. Но только не Меган Стоуффоли, видевшей, что её дочь, как и было обещано, обладает зачатками каких-то невиданных способностей.

В первое свое лето Дороти обожала ползать по двору и обнюхивать растения пробивающиеся у стен, звонко чихая от попадающей в нос пыли. Заметив это, Меган решила прогуляться с малышкой по полю. Радости Дороти не было предела: едва её опустили на землю, как она зарылась в сплетение трав с цветами и поползла вперед, останавливаясь только для того, чтобы сорвать понравившееся ей растение. Чаще всего ей это не удавалось, и тогда она начинала подвывать своим младенческим баском, требуя помощи. Меган шла за ней, помогая ломать неподатливые стебельки и складывая в свой передник отобранные дочерью растения.

В тот вечер Дороти не требовала игр и развлечений. Сидя на коврикe возле печки, она неторопливо раскладывала на расстеленном переднике стебельки, ведя непрерывный и непонятный, хотя и весьма выразительный монолог на языке детей в возрасте до одного года. Иногда очередной цветочек, оказавшийся в руке девочки, вызывал у неё целый поток эмоций: неожиданно комната оглашалась веселым визгом, а когда Меган, отрываясь от мытья посуды, поворачивалась к Дороти, та показывала ей растение и радостно хохотала.

– Нравится? – спросил Ирвин, присев на полу рядом с дочерью.

Дороти сосредоточено посмотрела на свои сокровища, потом выбрала один из стебельков и протянула его по направлению к матери. Потом посмотрела на Ирвина. Потом на Меган, и снова, и снова...

– Дать маме? – полушепотом произнес Ирвин. – Что сделать, маленькая? Зачем?

Меган неуверенно улыбнулась, наблюдая за ними. Но когда Дороти начала сердито вскрикивать, мать торопливо вытерла мокрые руки и подошла к девочке. Осторожно взяла протянутый ей стебелек, поднесла к носу, пытаясь определить, что это за растение. Но ни запах, ни вид этого «лопушка» не были ей знакомы. Она готова была поклясться, что никогда не встречала в местных полях ничего подобного.

– Дори, зачем это? – мягко спросила она.

Девочка потянулась к матери и положила маленькую ладонь на её живот. Ирвин вздрогнул. А Меган обняла себя руками, уткнулась лицом в колени и негромко произнесла:

– Да, Ирв, у меня будет ребёнок. К Имболку. Вернее... в конце января...

Меган была не только смелой и сильной женщиной. Помимо этого она обладала еще и отменным чутьем. В то время как Ирвин с грустным смешком заметил, что этому ребенку навряд ли повезет так же, как и Дороти, его жена заявляла, что безоговорочно верит дочери. Каждый день до поздней осени, она выпускала малышку ползать по полю, чтобы та могла собирать травы. Порой Меган казалось, что девочка разговаривает с цветами, как с живыми существами.

По вечерам Дороти подолгу разбирала свою добычу, обнюхивая стебельки и листья, раскладывая растения по маленьким глиняным горшочкам, которые Ирвин купил специально для неё в местной посудной лавке. Что и говорить: он обожал дочурку и откровенно гордился тем, что она растёт ведьмой. После всего, что случилось за последний год, он словно переродился и видел теперь все в другом свете. Правда, наряду с отцовской гордостью это усугубляло в нем и чувство вины перед Эльвин Тануби и неизвестным юношей. Ирвин не сомневался, что незнакомец любил сожженную ведьму, и что ребёнок, которого он принес к костру, был их общим... К тому же, из глубин памяти всплывало и другое: изначально Эльвин жила в своем маленьком домике вместе с трехлетним мальчиком, очевидно, внебрачным своим сыном. Вина за разбитое сердце безымянного юноши, за осиротевших детей, за казненную девушку, и безумный страх, который Ирвин испытывал, думая о своих детях, искупал в его сердце лишь малую толику этого горького чувства.

В конце сентября, то есть через год после казни Эльвин, Дороти уже пыталась делать первые шаги и с неизменным упорством тащила свои горшочки к печке. Боясь, что она обожжется, Меган постоянно помогала ей, делая все, что, изыскавшись в основном жестами и громкими возгласами, требовала дочурка. Хорошая мать всегда понимает, что хочет её ребёнок и, не смотря на то, что словарный запас Дороти в то время составлял не более десяти слов, они все-таки сумели договориться.

Налить воды в котелок... вскипятить... бросить туда стебельки и листья этого незнакомого Меган растения. Сколько, доченька? Столько? Еще немного? Теперь хватит? Пусть кипит, правильно? Теперь добавить туда зернышек... и вот этих ягод. Снимать с огня? Я снимаю, солнышко, не сердись. Видишь, остывает. Что теперь?

Ничего. Налить в большую глиняную бутылку и поставить в шкаф. Еще рано, мамочка, пусть постоит, пока не придет твоё время рожать и не потребуются задержать роды до наступления Имболка. Не волнуйся, мама, я позабочусь о своем братике.

Приближался Самайн и в дом Стоуффоли зачастили женщины, ожидавшие детей. Пристутствие Дороти, уже твердо стоявшей на ножках и деловито перебирающей свои травяные заготовки, внушало им надежду. Многим из них требовалось общение с Меган: они словно ждали от неё совета, как лучше прыгать и с какой крыши. Советы она давать боялась, а что касается доброго и успокаивающего слова, то оно находилось всегда и с избытком. Успокаивая женщин, Меган и сама переставала беспокоиться. Её вера в действия дочери была абсолютной и безусловной.

За два дня до Самайна у одной из женщин по имени Джил Пэтрис начались схватки прямо в доме Стоуффоли. Почувствовав, что её уже ребёнок решил появиться на свет, не

послушавшись её многомесячных просьб дожидаться последнего дня октября, Джил села, а вернее почти упала на пол и начала тихо плакать.

– Подожди, милая, не надо нервничать, – говорила Меган. – Может тебе просто кажется, это бывает. Ведь воды у тебя ещё не отошли, может еще все и остановится.

Но увещевания эти были больше похожи на беспомощные возгласы человека, умирающего от ножевой раны. Внутренним чутьем обе женщины понимали, что роды уже начались и ничто не может их остановить или затянуть до наступления Самайна.

– Он умрёт! – плакала Джил. – Мой бедный малыш, зачем ты так торопишься?!

Увидев, к чему идет дело, Ирвин пошёл в дом Пэтрисов. Испуганный и злой от собственного бессилия примчался муж Джил – Уилфред. Увидев, в каком состоянии находится его жена, он сел рядом с ней, не зная, что сказать. Все слова, что приходили ему в голову, казались пустыми и никчёмными. Тем ни менее, он что-то заговорил, то напоминая ей о том, что у них уже есть ребёнок, то уверяя ее, что ни в этот раз, так в другой, обязательно...

Чувствуя, что её голова вот-вот расколется на куски от ужаса, Меган на секунду отвернулась от плачущей Джил и застыла, изумлённая и испуганная, зацепившись глазами за крохотную фигурку, стоявшую у кухонного шкафа.

Это была Дороти. Годовалый младенец в длинном платьице из небеленого холста и чепчике с незатейливой вышивкой, выполненной руками Меган. Маленькая девочка, обычная с виду, и все-таки не такая, как многие другие. Вытянувшись, насколько позволял её младенческий рост, Дороти тянулась пальчиками к глиняным бутылкам на полке.

– Ах ты, ведьмочка моя! – воскликнула Меган. – Как же я могла забыть?!

Джил снова тихо взвыла, цепляясь за руку Меган, но та безжалостно вырвала свои пальцы из её хватки и бросилась к шкафу.

– Мама, – жалобно прошептала Дороти.

Руки Меган тряслись, когда она наливала зелье из бутылки в чашку. Крупно тряслись руки и стучали зубы. Глаза её были вытаращены, как у безумной.

– Выпей, Джил, – хрипло пробормотала она, поднося чашку к перекошенному от плача рту женщины. – Да пей же, пока не поздно! Плакать будешь, если зелье не сработает!

Джил тяжело всхлипнула и через силу сделала глоток. Жидкость оказалась почти безвкусной, но от неё по мышцам и нервам прошла неприятная сильная дрожь. Она отнимала силы, не давала телу напрягаться, все тревоги почти мгновенно отступили на задний план. Скривившись от удивительно сильного терпкого послевкусия, Джил подавила слезы, доставлявшие ей слишком сильное напряжение, и положила голову на плечо мужа. Странное состояние, похожее на паралич, завладела её телом. Ей стало все равно, что с ней происходит. Взгляд остекленел, смертельная усталость заставила мозг выключиться и спустя две минуты погрузила женщину в глубокий неестественный сон, при котором глаза и рот так и остались полукруглыми. Схватки постепенно прекратились. Джил спала так спокойно и крепко, как спят только младенцы, когда после долгого изматывающего плача их наконец-то накормят, укачают и убаюкают.

Ничто не могло нарушить этого сна.

Уилфред Пэтрис беспрекословно разрешил оставить жену в доме Стоуффоли. Узнав о том, по чьему «рецепту» было сварено питье, усыпившее Джил, он стал покорным и готов был только что не на коленях внимать детскому голоску, которому в ту пору было подвластно не более десяти понятных взрослому человеку слов. Все, что произносила Дороти, он воспринимал, как величайшую мудрость, которую ему – недостойному – довелось услышать.

– Мама... – сказала Дороти, когда плач Джил затих и дыхание её выровнялось. – Спать, да? – спросила малышка.

– Да, – ответила Меган. – Надо спать. Тетя Джил спит. Мама будет спать, папа будет спать.

– Дори... спать?

– И Дори будет спать. Все будем спать. А дядя Уилфред посторожит нас всех. Если что-нибудь случится, он нас разбудит.

Вид у Дороти, разбуженной паникой четырех взрослых людей, был сонный.

– Спать с мамой, – сказала она тихо, не надеясь на положительный ответ. Она часто просилась лечь спать рядом с Меган, но такое счастье выпадало малышке крайне редко, в основном, когда Ирвин ночевал в поле или засиживался с кем-нибудь из друзей в трактире.

– С мамой, золотко, – ответила Меган. – Конечно, с мамой.

Дороти уснула под боком у матери, рядом с ними уложили Джил. Ирвин лег на лавке в кухне и хотя он пытался уговорить Уилфреда спать по очереди, разумеется, тот всю ночь не сомкнул глаз, так и не разбудив хозяина дома.

За последующие два дня Джил пришлось выпить зелье еще трижды. Каждый раз оно усыпляло её на несколько часов, после чего она просыпалась успокоенная и даже несколько равнодушная. Когда схватки начались в четвертый раз, время уже катилось к полуночи, а, следовательно, и к Самайну. Тогда Меган решительно убрала бутылку на полку и заявила:

– Не надо больше зелья. А то как бы не перестараться. До полуночи три часа, я не думаю, что за это время ты успеешь родить. Уилф, думаю, пора перевести её в дом-на-площади.

Уилфред воспринял сказанное по-своему и доставил жену в указанный дом на руках. В четыре часа пополудни в его семье стало уже двое детей. Джил благополучно родила девочку, спустя три дня получившую имя Льюси.

За рождение этой малышки Стоуффоли чуть не заплатили смертью второго ребёнка, поскольку волшебного зелья Дороти едва хватило до наступления Имболка. Впрочем, Меган нервничала не так сильно, как Джил, и успокаивающего сонного настоя ей потребовалось меньше.

Следующим летом многие выходили в поле в поисках тех чудодейственных лопушков, отвар из которых помогал задерживать роды до назначенного дня. Однако способностью находить эти непонятные растения обладала только Дороти да еще один малыш – дитя Белтайна... Впоследствии многие из подрастающих ведьм и колдунов научились распознавать эти травы среди прочих, также они отыскивали и другие, те что наоборот вызывали схватки. И хотя отвары из них, несомненно, помогали наладить ситуацию с рождением детей, абсолютной гарантии они не давали. Хотя бы потому, что отваров хватало не на всех, особенно когда наступал Лагнасад – старое зелье зачастую к этому времени заканчивалось, а новое готовилось лишь по осени.

Кто родится вовремя, тот будет жить, – вот и все, что знали жители города. Главное, родить ребёнка в один из Саббатов. Ведь выживали даже сильно недоношенные, и не только выживали, но и жили наравне со всеми. Находились и для них отвары, помогающие догнать сверстников в росте, весе и силе, а все остальное доделывали их собственные таланты.

По мере того, как подрастало новое поколение детей, умеющих по запаху находить несуществующие растения, вызывать грозу или снег, двигать взглядом предметы и разговаривать с привидениями, как-то ненавязчиво зародилась в городе еще одна традиция: взрослеющие ведьмаки стеснялись пользоваться своей силой. Не данная свыше, а навязанная проклятием, она оказалась им в тягость, как ярмо на шее. «Если мы все начнем делать с помощью колдовства, то нам будет скучно жить, – говорили они. – Мы все можем и так... нам бы только детей родить».

Но, несмотря на все их таланты и умения, сложенные вместе и направленные только в этом направлении, город испытывал проблемы с рождением живых детей, еще многие десятилетия. Случались даже периоды, когда за несколько лет никакое колдовство не могло выволить из плена проклятия более десяти младенцев. И в городе воцарялись уныние и тоска... Постепенно население истаяло, южная окраина вообще опустела: люди стремились жить ближе друг

к другу и переселялись туда, где дома освобождались. Почему именно с юга? Да потому что там, в трех кварталах от недействующего ныне здания городского суда, все еще стоял маленький дом, из которого когда-то городская стража вывела рыдающую от страха Эльвин Тануби... Город всё еще стыдился своего поступка, хоть и продолжал в течение почти двухсот лет расплачиваться за него очень дорогой ценой.

ЗАКЛИНАНИЕ ГИЛЬБЕРТЫ

Слухи о проклятии ходили по округе и, само собой разумеется, что в Распиле перестали селиться приезжие. Последним пришедшим человеком в городе стала хмурая девушка по имени Сьюзен, весь скарб которой умещался в небольшом дорожном мешке. Она появилась в южных воротах и попросила разрешения жить в одном из опустевших домов. Свое появление она объяснила просто: семнадцать лет назад её родители проездом были здесь и даже пришли на площадь, чтобы увидеть сожжение ведьмы. Девочка-младенец, сидевшая на руках у отца, невольно попала под действие слов Эльвин... В свои восемнадцать она потеряла уже двоих детей и теперь пришла спасать третьего. Движимая последней надеждой, она, против воли своего мужа, переехала жить в проклятый город. С помощью Дороти Стоуффоли и Льюси Пэтрис её третий ребёнок родился живым.

Услышав от дочери историю Сьюзен, Ирвин попытался придать своему лицу равнодушное выражение, но не совладал с собой. Отразившаяся на нем судорога не укрылась от глаз Меган.

– Что это с тобой, Ирв? – спросила она, когда Дороти и Льюси отправились во двор.

– Я видел младенца на площади, когда сожгли Эльвин.

– А я вот что-то не припомню...

– Так ведь мы смотрели на костер. Когда я был на площади в первый раз, я тоже её не видел.

Меган приподняла голову от шитья и бросила на мужа лукавый взгляд.

– Давай уже, говори, – почти потребовала она.

– Я видел младенца на руках того парня. Ну, того, что помог мне услышать Эльвин, помнишь?

– Конечно. Я забуду об этом только в день своей смерти. Так ты хочешь сказать?..

– Именно...

Меган снова заработала иглой.

– Сходи-ка к ней, поговори, – сказала она. – Только, знаешь, не рассказывай про это никому. Мне кажется, что так будет лучше.

На другой день к вечеру Ирвин постучал в дверь дома, в котором поселилась Сьюзен. Она открыла сразу и без слов пропустила гостя в дом. В колыбели спала её дочь, только накануне покинувшая дом-на-площади. В деревянном кресле у камина сидел молодой мужчина, года, казалось, на четыре старше Сьюзен. В глаза сразу бросалось их несомненное сходство.

– Так я и подумал, – сказал Ирвин, пропустив полагающиеся приветствия.

Сьюзен улыбалась, и в этой улыбке было что-то, похожее на скользящее лезвие ножа. Опасная это была улыбка.

– Значит, младенцем ты была на площади?

– Была. И по счастью была еще настолько мала, что ничего не помню.

– Эльвин перестаралась и под проклятие попала даже её дочь?

Сьюзен насмешливо фыркнула и заходила по комнате, встряхивая руками.

– И не только дочь, – ответила она и кивнула на сидевшего в кресле. – Мы ведь оба были жителями города.

– Вот я и припоминаю, что у неё вроде как мальчик был. Я ещё всё думал, что же с ним стало. Так, значит, вы её дети? А тот парень?

– Это мой отец, – ответила Сьюзен, и устало опустилась на скамеечку у колыбели. – Мой, – повторила она, словно уточнила ударение.

– Где же он теперь? Если он жив, ему бы надо было сейчас радоваться рождению внучки. Или его уже нет?

Девушка пожала плечами.

– Не знаю. Мы жили недалеко от Бредингтона, но отец всегда очень интересовался тем, что здесь происходило, с тех пор, как мы ушли. Это было сразу после того, как маму казнили, – о сожжении Эльвин она сказала так, словно речь шла о каком-то обыденном событии. – Он очень переживал, – добавила она.

– И что же? – спросил Ирвин уже без насмешки.

– Когда мне исполнилось четырнадцать, он вдруг начал... я даже не знаю, как сказать. Это было похоже на болезнь, но он не болел. Он просто таял. Сходил на нет, словно что-то точило его изнутри. Мы ничего не могли сделать. Я ведь почти не унаследовала маминых талантов, не то, что Кайл, – она кивнула на брата, который по-прежнему пребывал в молчании. – Но и он не целитель. Чтобы спасти отца, наверно, нужны были мамины руки. Ничто другое не могло помочь.

– Так он умер? – настаивал Ирвин, понимая, что его охватывает грусть о том странном юноше с синей искрой в глазах.

– Нет. Он просто исчез. Однажды, сразу после того, как я потеряла своего первого ребёнка, мы проснулись утром, а его не было. Я надеялась, что он ушел и вот-вот вернется, но Кайл... он чувствует. Он сказал: «его в этом мире больше нет». Вот и все. Потом умер и второй малыш... Мы убедились, что тоже находимся под проклятием, и ушли сюда. Мой муж знает, где меня искать, но мне кажется, что он не захочет жить здесь.

Наступило молчание, в котором отчетливо было слышно сопение новорожденной девочки. Ирвин невольно вспомнил, как семнадцать лет назад он проснулся от звонкого плача младенца в своем доме, и как бежал опрометью вниз по лестнице, чтобы впервые увидеть свою дочь.

– Не рассказывайте о нас в городе, – неожиданно попросил Кайл.

Ирвин подошёл к нему и внимательно взгляделся в его лицо, казавшееся безумно печальным.

– Вам никто ничего здесь не сделает. Вам нечего бояться.

– Скорее, на нас станут молиться, в надежде, что мы сможем снять проклятие, – возразил Кайл. – А нам так хочется просто жить. Я хочу найти женщину, чтобы мы вместе боролись за наших детей. А быть надеждой целого города... неоправданной, заметь, надеждой, я не желаю. Я не знаю, как прекратить всё это. – Он коротко улыбнулся. – Ты ведь за этим пришел? Узнать, не может ли кто-нибудь из нас остановить проклятие?

Ирвин покачал головой:

– Совсем не за этим, малыш. Я пришел попросить у вас прощения.

Снова наступила тишина. Брат и сестра смотрели на гостя изумленными глазами, не смея вымолвить ни полслова.

– Так что же? – тихо спросил Ирвин. – Получим ли мы прощение детей женщины, которую мы предали смерти?

Сьюзен подошла к брату и обняла его.

– Я прощаю, – сказала она. – Вы дорого платите за свою вину, я знаю боль, которую вы чувствуете. Я не могу не простить.

– Я тоже, – полушепотом ответил Кайл.

– Мы прощаем. Если бы наше прощение спасло ваших детей! Если бы так! Это было бы самым большим счастьем для нас!

Кайл заплакал, стараясь спрятать лицо в рукаве платья Сьюзен. Глядя на них, Ирвин почувствовал, как по его лицу тоже катятся слезы.

– Я пойду, – сказал он. – Меня ждут... жена, дети... Знаете, моя дочь – первая урожденная ведьма в нашем городе. Она помогла родиться твоей девочке.

– Значит, я дважды должна простить вас всех. А может и стократно, – откликнулась Сьюзен. – Я даже... Кайл, можно я скажу ему?

– Конечно! – вскинулся тот и даже чуть подтолкнул сестру навстречу Ирвину.

– Не толкайся! – по-детски сердито воскликнула она. Потом помолчала и нерешительно пробормотала, нервно убирая с лица волосы: – Отец рассказывал о тебе. Незадолго до своего исчезновения он начал разговаривать во сне. Я слышала по ночам, как он говорил с мамой, рассказывал, как хотел бы снова быть с ней. Мы думали, что он скоро умрет, потому что не может жить без нее. Но получилось иначе. Однажды, он плакал во сне. Я проснулась и пришла к нему в комнату. Он плакал и говорил... – Сьюзен замялась, глядя в сторону и кусая подушечку большого пальца.

– Рассказывай, – подбодрил её брат. – Раз уже начала...

– Давай, детка, расскажи мне, – негромко попросил Ирвин. – Что говорил твой отец?

– Он говорил: «Двести лет, Элли, две сотни, и даже больше. Они обречены и я тоже. Мне некуда идти». Утром, когда он проснулся, я рассказала ему об этом. Думала, что он ничего не вспомнит. Но он ответил, что знает, о чем говорил ночью. Он сказал так: «двести лет пройдет и еще полсотни, девятнадцатый родится не вовремя, девятнадцатый сможет исправить ошибку. Если он будет добрым». Я немного испугалась, потому что пока он говорил, у него глаза...

– ...светились синим, – закончил фразу Ирвин.

– Да... а откуда ты знаешь?

– Видел. Думаю, он обладал какой-то силой, и когда он ею пользовался, то у него в глазах горели эти огоньки.

Сьюзен покачала головой, а Кайл возразил вслух:

– У него не было колдовских сил. Когда они с мамой узнали друг друга, она говорила мне, что в нем нет никакого колдовства. Кроме любви.

Ирвин вздохнул и пошёл к двери, оставшись при своем мнении о способностях юноши в шерстяном плаще. Он не стал приводить никаких доводов, поскольку понял, что эти странные взрослые дети не обрадовались бы, если бы узнали, что их отец все-таки владел магией. Во всяком случае настолько, чтобы вернуть Ирвина на площадь...

– Ну что же, малыши, – сказал гость, стоя на пороге, – живите счастливо. Спасибо вам.

С этими словами он вышел в темноту улицы. Впервые за последние семнадцать лет он шел распрямив плечи, не отягощенные чувством вины.

С тех пор в Распиле не появлялось ни одного пришлого человека. Разумеется, это никого не удивляло. Отныне город жил только собственными человеческими ресурсами. И продолжал вымирать, пока в одном из поколений потомков Дороти, не родилась Гильберта Оттоун. Круглолицая девочка с пушистыми каштановыми локонами и дерзко вздернутым носиком, во внешности и характере которой не осталось ничего от темноголового и молчаливо-деловитого рода Стоуффоли. Энергию и умение скоропалительно принимать решение, повинаясь интуиции, она унаследовала от Меган, от Дороти ей досталась безумная любовь к цветам и травам. От многих из своих предков по женской линии Гильберта получила в подарок тот или иной дар... но тем, который прославил её в городе и сделал незаменимой в дни Саббатов, до неё в роду не обладал никто.

О нем город узнал в Лагнасад того года, когда Гильберте было шесть лет.

Тот раз выдался крайне неудачным: из семи ожидаемых малышей трое родились раньше времени, и трое же, из оставшихся четырех родились к без часу полночь. Мать четвертого, Миранда, промучилась схватками больше двадцати часов, а ребёнок все не появлялся. Из пяти предыдущих её детей четверо умерли и надежда, столь ярко горевшая утром, надежда на то, что этот ребёнок, такой долгожданный, все-таки выживет, теперь угасала с каждой минутой. Время уходило, а малыш так и не родился.

Повитухи, хлопотавшие вокруг роженицы, тоже выбились из сил. Молодая Роа еще кричала что-то Миранде, подбадривала её (хоть и получалось это неубедительно), а старшая Анна просто стояла рядом, опершись о стол, на котором горой были накинаны мокрые и грязные полотенца.

– Уже поздно... – тихо пробормотала она, дождавшись, чтобы Миранда снова закричала и не услышала ее. Роа, однако, разобрала этот приглушенный шепот и бросила на свою помощницу сердитый взгляд и та, устыдившись сказанного, отвернулась. И увидела девочку, съежившуюся под столом.

– Гильберта? – удивленно спросила Анна. – Зачем ты здесь? Разве детям здесь место?

– Кому же еще, как ни детям? – так же удивленно произнесла Гильберта.

Анна нахмурилась и взглядом указала девочке на дверь. Та выбралась из-под стола, вытерла о юбку влажные ладошки, но не пошла к двери, а проскользнув под руками старой повитухи, подбежала к Миранде и остановилась в полушаге от неё справа. Несколько секунд широко раскрытыми глазами девочка смотрела в потное лицо, искаженное гримасой боли, а потом вдруг несильно хлопнула ладонь по напряженному большому животу, при этом выкрикнув что-то резким пронзительным голосом. И в ту же секунду Миранда, пораженная сильнейшим приступом боли, выгнулась всем телом и затряслась. Анна уже протянула руку, чтобы за растрепанные волосы оттащить Гильберту к двери, но тут Роа закричала вдруг: «Пошёл! Пошёл! Да тужься же, Миранда!» Но от боли роженица не могла даже кричать, не то что понять, чего хочет от неё Роа... Сотрясаемая вертящимся в ней заклинанием Гильберты, Миранда содрогнулась раз, потом другой, а потом закатила глаза, побледнела лицом и потеряла сознание. Первого крика новорожденного она не услышала.

– Мальчик! – не веря своим глазам, сдавленно крикнула Роа. – Ножками вперед шёл... Успел всё-таки! Мальчик!

Измученный тяжелыми родами тёмно-красный младенец пищал и вздрагивал в её руках...

Опомнившись, Анна кинулась за дверь, откуда уже выглядывала еще одна помощница, Лийза. Лицо девушки было недоверчивым и радостно-удивленным.

– Лийза, воду, чистые полотенца! – скомандовала Анна. – У нас родился мальчик! За пятнадцать минут до полуночи!

Лийза радостно взвизгнула и бросилась в соседнюю комнату. Сначала оттуда донесся звук чего-то разбившегося, потом короткий возглас: «Мальчик!» и сразу же радостный многоголосый крик. Потом в комнату ворвались Лийза и Марта, схватили новорожденного, перевязали ему пупок, обмыли, завернули в пеленки... Словом сделали все, чтобы малыша не стыдно было показать матери, когда она очнется.

Миранда, и в самом деле, скоро пришла в себя. Лицо её временами все еще кривилось от сильной боли, но разум уже прояснился настолько, чтобы она смогла понять: у неё родился сын. Какая-то неведомая сила победила хватку её чрева и вытащила малыша на белый свет, когда надежда уже почти иссякла.

Мать вскинула тонкие руки и жалобно попросила:

– Ну дайте же мне его! Я так долго его ждала! Я хочу его видеть!

Лийза подхватила малыша и уже хотела отдать его матери, но Роа остановила ее.

– Не ты, – сказала она. – Гильберта.

Только тут все вспомнили про Гильберту, каким-то чудом оказавшуюся в комнате. Девочка сидела на полу у стола, бледная и потная. Короткие волосы липли к белым щекам, зеленые прозрачные глаза были пусты и безжизненны.

– Сколько же сил она потратила, – пробормотала Анна и подошла к девочке. – Гильберта? – спросила она. – Ты слышишь меня?

Гильберта шевельнула бровями и попыталась улыбнуться.

– Я слышу, – через силу пробормотала она.

– Ты спасла мальчика, – сказала Роа. – Ты можешь передать его Миранде. И принести радостную весть его отцу. Очнись же, Гильберта, соберись с силами. Такая честь выпадает не каждой.

Опираясь на руки Марты и Анны, Гильберта встала и подошла к ребенку. Голос Роа давал ей новые силы. Она взяла мальчика и, с помощью Анны, осторожно положила его на грудь Миранды.

– Дай ему имя, – попросила вдруг мать новорожденного.

– Разве я могу? – удивилась Гильберта. – Ведь это делает отец ребёнка.

– Я думаю, он будет не против. Назови его...

– Генри, – не задумываясь, сказала девочка. – Это хорошее имя.

Так открылся талант Гильберты, спасший позже жизнь очень многим детям, и так появился на свет Генри Дилл. Большие часы на первом этаже гулко пробили полночь, а через три минуты из дверей дома, пошатываясь от слабости, вышла Гильберта. Раймонд Гилл посмотрел на неё с ужасом, ожидая, что сейчас она посмотрит на него и со слезами в голосе сообщит о смерти ребёнка, но девочка всё шла по каменной дорожке, не поднимая глаз, и лишь выйдя за калитку окинула взглядом собравшихся людей. Потом, как полагается, она опустилась на одно колено перед отцом нового ребёнка, протянула к нему руки и сказала громко, но не крикнула – на это у неё не хватило сил:

– Счастье да войдет в твой дом, Раймонд! С сыном войдёт оно! Он родился!

Что началось потом! Все, кто собрался у дома (а их было никак не меньше тридцати человек) закричали, заговорили, заплакали и запели одновременно. Одни поздравляли отца Генри и прочих родственников, обнимали их, хлопали по спинам и плечам, другие просто кричали от радости, как всегда, когда рождался ребёнок в любой семье. Кое-кто пытался узнать, почему эту весть принесла отцу Гильберта, ведь принято, чтобы это делала повитуха, принявшая ребёнка?

Но вот на улицу выбежала Роа – веселая и растрепанная.

– Вы бы видели! – закричала она с порога. – Вы бы видели, что сделала Гильберта! Это она спасла мальчика! Нет, вы подумайте: произнесла заклинание и он родился!

Раймонд Дилл осторожно поднял усталую Гильберту на руки и вместе с ней подошёл к Роа.

– Действительно так? – спросил он. – Малышка спасла моего сына?

– Удивительный талант, – сказала вышедшая из дверей Анна. – Не думаю, впрочем, что она сможет использовать его часто, но в особенных случаях это возможно.

– Ведьма-повитуха, – ласково произнесла Роа и провела пальцами по волосам Гильберты. – Кстати, Раймонд, она дала твоему сыну имя. Миранда попросила ее. Ты согласен?

Мог ли он не согласиться?..

Счастье да войдёт в город!

Каждый раз накануне Саббата Гильберта ложилась спать днём и не просыпалась до полуночи. Её мать и старший брат Стив внимательно следили, чтобы никто и ничто не помешало бы ей выспаться и набраться сил, хотя особой необходимости в этой охране не было. Девочка ложилась на кровать, произносила несколько слов и погружалась в глубокий сон, прервать

который не смог бы никакой шум. Да никому бы и в голову не пришло будить её. Город, по большей части, надеялся на неё одну.

Конечно, была еще Анна с её чуткими и умными руками, и Роа, совсем недавно открывшая у себя способности акушерки. Да еще Лийза и Марта – обеим ещё не исполнилось и семнадцати, но им не было равных в умении успокоить женщину и задержать у неё схватки до наступления нужного дня, если делу нельзя было помочь травяными отварами. Но по части вызова задержавшихся родов, первенство, несомненно принадлежало Гильберте.

Она просыпалась за час до полуночи, наскоро съедала заранее приготовленный для неё ужин, обвязывала голову чистым платком, пряча под него свои непослушные волнистые волосы, и шла в дом-на-площади. В это время она почти ни с кем не разговаривала, её личико – обычно живое и лукавое – становилось сосредоточенным, как у ювелира, выполняющего тончайшую работу.

Методы её работы никогда нельзя было предугадать. Иной раз уже далеко за полночь она оставляла без особого внимания женщину, у которой и схваток-то еще не было.

– Ты так нервничаешь, что моя помощь, пожалуй, не понадобится, – говорила она и оказывалась права: через два-три часа беспокойную леди уводили наверх, в то время, как Гильберта возилась с другими, чьи схватки, по её мнению слишком уж затягивались.

То вкрадчивым шепотом, то вполне отчетливым мягким голосом девочка произносила никому непонятные заклинания, гладила женщин по животам, уговаривая их младенчиков выйти на белый свет до окончания дня. В восьми случаях из десяти малыши подчинялись её уговорам или требованиям (смотря по необходимости). И вот уже не трех-четырех, а двенадцать-пятнадцать детей получал город в каждый из Саббатов. Во многих семьях, благодаря таланту маленькой повитухи, их росло более двух, а то и трех – невероятное, по меркам Распиля, счастье.

Лийза и Марта сбивались с ног, помогая акушеркам обмывать и пеленать новорожденных, а также бегать по городу, разнося вести родным новоиспеченных матерей. То тут, то там раздавались их звонкие и радостные голоса:

– Счастье да войдет в твой дом!

В ту пору родился обычай отвечать вестницам: счастье да войдет в город!

Что касается того первого заклинания Гильберты, то его она предпочитала использовать лишь в крайнем случае, когда видела угрозу жизни женщины, а не ребёнка.

– С маленьким я как-нибудь договорюсь, – обещала она. – А это заклинание... оно страшное, я его боюсь.

– Зачем же ты его придумала? – удивилась как-то раз Роа.

– Генри шел не ножками вперед, а поперёк, – задумчиво ответила девочка. – Он убил бы Миранду.

Роа пожала плечами:

– Я-то совсем не против, чтобы оно здесь вообще не звучало. Я тогда здорово напугалась. Сильное заклинание, девочка, очень сильное. В самом деле, используй его пореже. Как бы не навредить кому...

Помимо таланта акушерки, Роа, видимо, умела и предсказывать. Заклинание Гильберты действительно принесло непоправимый вред, да ни кому-нибудь, а ей же самой.

Чем старше становилась Гильберта, тем чаще в разговорах людей мелькала фраза:

– Уж у неё-то трудностей с рождением не будет!

Никто не сомневался, что её дети будут рождаться точно в срок без малейших проблем, да и сама она была в этом полностью уверена. За десять лет, что она выполняла обязанности «главной повитухи», как шутя говорила её мать, Гильберта превратилась в высокую красивую девушку, и к Лагнасаду в год своего шестнадцатилетия она уже ждала первого ребёнка.

Беременность не мешала ей выполнять свою работу. Будучи на шестом месяце, она встретила Белтайн так же, как обычно. В тот день, вместе с Роа и Анной, она помогла родиться девятерым младенцам. Десятому не помогли ни уговоры, ни травяные отвары. Часы уже давно пробили полночь, и малыш считался потерянным. Его мать лежала бледная и почти не приходила в сознание, несколько раз испуганным акушеркам казалось, что она перестает дышать.

– Умрёт еще, пожалуй, – сказала Анна. – Послушай, Гилли, ребёнка уже нет, так надо хоть мать спасти. Может, рискнешь? Скажешь то заклинание?

На лице Гильберты отразилось сомнение, но, поразмыслив, она кивнула. Потом вышла за дверь, попросила у Марты стакан воды, выпила его и вернулась в комнату.

Медленно и осторожно она приблизилась к лежавшей в беспмятстве женщине, настраивая себя на произнесение заклинания, собирая для него все оставшиеся силы. Все существующее в мире отодвинулось за пределы её сознания, осталась лишь она сама да эта несчастная, которой нужно было помочь.

В последний момент Роа поняла, что сейчас случится, и бросилась вперед, чтобы остановить девушку. И не успела: Гильберта подняла руку, и с резким возгласом хлопнула ладонью по животу женщины.

Выплеск силы, жгучий и режущий поток вырвался из под тонкой длиннопалой ладони Гильберты и разошелся по спирали, как кислота впитываясь сразу в два тела. В ужасе повитуха схватилась за свой живот и упала бы на пол, если бы Роа не подхватила ее. Заклинание сработало безупречно, вызвав стремительные и безумно болезненные роды не только у той женщины, но и у самой Гильберты. Спустя минуту все было кончено.

Лийза завернула тела детей в холст и вынесла из комнаты. Марта отправилась к родственникам женщины, за которыми не пришлось далеко ходить: отец неродившейся девочки стоял здесь же у калитки. Объявив ему о случившемся, Марта пошла дальше, к дому Оттоунов. Все его обитатели бодрствовали, ожидая возвращения Гильберты, включая и её жениха Джереми Лестона. Войдя в дом и увидев его, Марта разрыдалась...

Джереми оказался крепким пареньком, и удар судьбы вынес достойно. Выслушав весть о смерти сына, он отправился в дом-на-площади, на руках принес Гильберту домой и уложил в постель. В ту ночь, сконцентрировав в себе горечь утраты и страх, как за физическое, так и за душевное здоровье любимой, юноша сумел преобразовать эту смесь в силу и буквально создал в себе талант целителя. На другой день к полудню Гильберта проснулась здоровой.

Через год она снова понесла, но теперь её беременность протекала под чутким наблюдением Джереми, в ту пору уже обвенчанного с ней по всем местным законам и обычаям. Пользуясь привилегиями, дарованными ему новым статусом, он объявил, что не разрешает Гильберте рисковать своим здоровьем и не отпустит её в дом-на-площади, пока ей самой не придет время рожать. Впрочем, после недолгих уговоров, он всё-таки переменял мнение, но с условием, что он будет находиться рядом. Роа и Анна, услышав о его требованиях, хором фыркнули, а затем заявили, что готовы предоставить ему место в комнатке, где пеленали новорожденных.

Тревоги Джереми не оправдались. Прошел Белтайн, за ним Лагнасад, и в Самайн Гильберта подарила ему сына, названного Вирджилом.

И все-таки, спустя еще три месяца Гильберта снова осмелилась применить свое заклинание. И на этот раз оно никого не убило. Напротив, дало жизнь мальчику, родившемуся в неурочное время – третьего февраля.

МАЭСТРО

Примерно с того времени, как Райвен сказал первое слово, стало понятно, что в ближайшее время он навряд ли порадует общество какими-то великими свершениями. В отличие от двоюродного брата, который начал блистать талантами раньше, чем научился ползать, Гайхал-

лер-младший рос, как большинство детей этого города: лечил себе синяки и царапины, то дупа на них, то прикладывая к ним маленькую ладошку, заставлял свои игрушки подползать к нему, если ему было лень вставать и идти за ними, мог безошибочно сказать, кто стоит за дверью и стучит в нее... Но ничего большего.

Он рос спокойным улыбочивым малышом, немного застенчивым, но ласковым и безобидным, как котёнок. И со временем даже внешне перестал быть похожим на своего неугомонного нахального кузена.

Впервые Скиллиан столкнулись с невероятным упрямством полуторагодовалого Дэниела, когда в первый и последний раз попыталась его постричь. Пушистые светлые волосы потемнели за первый год жизни до ярко-русых и отросли с трехдюймовой длины почти до плеч. Ясно, что мальчику ходить с такой прической было странно, и Скиллиан подступилась к малышу с маленькими ножницами, чтобы отстричь длинные прядки.

Дэниел взбесился. Это не было капризом или упрямой выходкой. Казалось, что его пытались лишить чего-то крайне важного и необходимого для жизни. Ярость, звучавшая в пронзительном крике мальчика, так напугала Скиллиан, что она сразу бросила ножницы на стол:

– Перестань! – сказала она. – Дикий ты зверек. Не трону я твои волосы, не кричи!

И дождавшись, когда гнев Дэниела уляжется, она успокаивающе добавила:

– Что ты раскричался? Голову я тебе что ли отрезаю? Еще хорошо, что твоего отца нет дома, а то он бы тебе задал за эти вопли.

Об этой истории, до поры до времени, Кристиан не услышал ни слова.

Дэниел и Райвен росли рядом, зачастую не разлучаясь даже на ночь, по очереди оставаясь ночевать вдвоём то в одном, то в другом доме. Поначалу они еще не умели перебираться через дощатый забор, сменивший изгородь из кустов. Кто-нибудь из отцов, заслышав писк мальчишек, выходил во двор и перекидывал ребёнка со своей стороны забора в соседский двор.

Когда мальчикам исполнилось три года, Дэниел рискнул самостоятельно перелезть на ту сторону, и, успешно спрыгнув на землю, радостно заорал во весь голос:

– Папа! Смотри! Я сам перебрался!

Кристиан Витуни вышел на крыльцо и радостно поднял руки вверх, приветствуя подвиг сына:

– Отлично, малыш! Только будь осторожен, я не хочу, чтобы ты упал!

Довольный похвалой, Дэниел снова полез на забор, ловко цепляясь за поперечные перекладины и подтягиваясь на руках. Добравшись до верха, он перекинул ноги в свой двор, помаhal рукой насупленному Райвену и снова спрыгнул на землю, чем привел отца в еще больший восторг.

– Смотри-ка, – сказал Кристиан, вышедшей на крыльцо Скиллиан, – а наш-то будет побойчее. Не все Гайхаллерам гордиться своим мальчишкой, нам тоже можно.

Эта фраза надолго стала любимой у Витуни-старшего. А Райвен, уязвленный смелостью брата, тоже полез наверх.

Кристиан протянул Дэниелу руки, и тот бросился в объятия, хохоча от восторга и дрыгая ногами. Скиллиан смотрела на них и грустно улыбалась. А в это время Райвен, наконец, оседлал забор, тяжело дыша и напряженно хватаясь пальцами за доски. Сверху забор оказался намного выше, чем виделся с земли. Зародыш мальчишеского соперничества, проклюнувшийся в душе Райвена, снова спрятался, а сам он, задохнувшись от испуга, разжал пальцы и, не удержавшись, соскользнул во двор Витуни.

Первой закричала Скиллиан:

– Кристиан! Сними его! Он упадет!

Глядя поверх отцовского плеча, Дэниел увидел, что Райвен висит на заборе, практически вниз головой, зацепившись подолом куртки за край одной из досок. Кристиан поставил сына

и бросился к забору, но почему-то сразу было ясно, что он не успеет, и ребёнок вот-вот упадет и сломает себе шею.

...Дэниел издал пронзительный крик и неведомая сила, стремительным вихрем пройдясь по двору, сорвала Райвена с забора и мягко швырнула в стоящую неподалеку тележку с сеном. Кристиан замер, не пробежав и двух шагов, а Скиллиан, напротив, птицей слетела с крыльца и бросилась к Райвену, наполовину закопанному в сухую траву.

Возглас Дэниела привлек внимание вышедшей на крыльцо Тамиры. Увидев, как Кристиан машет ей рукой, она окликнула мужа и торопливо прошла в соседский двор, чтобы узнать, что случилось. И, улучив момент, провела рукой по отросшим волосам Дэниела.

– Ты спас его? – спросила она.

– Кажется... да, – задумчиво ответил мальчик.

Джаелс молча наблюдал за происходящим поверх забора...

«Кажется», – сказал Дэниел, потому что не был уверен, что именно его крик отбросил Райвена в кучу сена. Ему требовалось неоспоримое подтверждение и, глядя, как Скиллиан и Тамира отряхивают и успокаивают его брата, он уже прикидывал в уме, на чем бы испытать свое умение. Остаток дня он бродил по двору, что-то напевая и внимательно приглядываясь к разным предметам. К вечеру он добился того, что вещи начали ему отвечать: то звоном металла, то скрипом дерева, то хлопаньем ткани... А в сумерках Кристиан, который вышел во двор, чтобы позвать сына ужинать, увидел его сидящим на поленнице. Он пел негромко, неуверенным детским голоском, старательно и весело. У его ног неуклюже танцевали две толстые домашние утки и лохматый дворовый пес, который обычно недолюбливал Дэниела и никогда раньше его не слушался.

Профиль мальчика резко обрисовывался на фоне угасающего заката. Заслышав шаги отца, он повернул голову и Кристиан увидел, как в глазах ребёнка резко блеснули яркие точки льдисто-синего цвета.

Позднее Витуни-старший будет часто говорить о том, что не все Гайхаллерам гордиться своим сыном. При этом он всегда будет радостно улыбаться, но и вспоминать со страхом, как светились в темноте глаза Дэниела.

Мальчики росли, а у Гайхаллеров по-прежнему не было повода, чтобы гордиться своим сыном. Впрочем, это несколько их не огорчало. В отличие от всех остальных жителей города, они, казалось, не ждали от своего сына никаких свершений и достижений. Иного мнения был сам Райвен. Он не завидовал Дэниелу, но всегда тянулся за ним, пытаясь повторить хоть что-нибудь из его номеров. Плакал от досады и сердито топал ногой, но быстро успокаивался, когда кузен бросался утешать его и убеждать, что все со временем получится...

– В конце концов, ведь это же ты родился третьего февраля, – убедительно говорил Дэниел, обнимая брата. – Если бы я опоздал родиться, то, наверняка, умер бы.

Райвен тяжело вздыхал, вытирал слезы рукавом рубашки и бежал вместе с Дэниелом на поиски приключений, на которые у того было какое-то инстинктивное чутье.

Только в одном Райвен безусловно превзошел Дэниела – в умении общаться с животными и лечить их. В этом, пожалуй, ему не было равных во всем городе. Самые злые собаки бежали к нему, радостно виляя хвостами, чтобы облизать ему руки и лицо. В чей бы дом он не заходил, кошки, которых в городе любили и держали по две-три в каждой семье, начинали тереться о его ноги, мурлыкать и проситься на руки. В пять лет Райвен впервые сел на лошадь, а через несколько месяцев, помог объездить норовистого жеребца. Сделано это было вполне в духе Дэниела: без спросу, тайком, с риском, и с тем лишь отличием, что тот вошел бы в стойло к отчаянно брыкающемуся жеребцу без страха и дрожи, которые чуть не свалили Райвена с ног. Скорее всего, Дэниел в такой ситуации ввел бы упрямое животное в транс, из которого оно вышло бы уже под седлом. Райвен не видел в этом необходимости: стоило ему протянуть руки к морде коня, как тот успокоился, перестал всхрапывать, и только тяжело вздыхал, поло-

жив голову на плечо мальчика. Большой темно-карий с синеватым отливом глаз смотрел на Райвена, как на последнее спасение в жизни...

В полутьме конюшни мальчик и конь дышали синхронно – спокойно и глубоко...

Никогда еще городской конюший не видел такой картины, хоть и держал свои конюшни уже более сорока лет: хрупкий светлоголовый мальчуган с задумчивым видом выводит в загон жеребца, идущего послушно с видом гордым, словно на военном параде. Того самого норовистого коня, который еще утром выкинул из седла пять объездчиков одного за другим. Но это было еще не столь удивительно: впервые в жизни конюший видел думающего коня. В глубине спокойных лошадиных глаз он увидел мысль о том, что все хорошо, что рядом с Райвеном никто не причинит животному никакого вреда, оно в безопасности...

Все так же спокойно и послушно жеребец позволил оседлать себя, лениво собирая губами с ладони Райвена кусочки хлеба, который тот сунул в карман, отправляясь в конюшню... Чуть покосился на рослого парнишку-объездчика, несмело севшего в седло, но повинувшись поводьям пошёл вдоль ограды четкой красивой рысью. На секунду конь повернул голову к Райвену и бодро фыркнул, словно говоря: подожди, я сейчас прокачу этого олуха и вернусь...

Объехав круг, наездник вернулся к конюшне и весело сказал Райвену:

– Ты молодец! Вот и у тебя талант прорезается! Не зря ты родился третьего числа!

Кто-то подсадил Райвена в седло впереди седока, и конь снова отправился в путь. От стука копыт и ветра, растрепавшего волосы, у мальчика перехватывало горло.

На ограде в дальнем конце поля он увидел своего кузена. Дэниел сидел на заборе верхом, что уже давно и прочно вошло у него в привычку, и с хохотом передразнивал восторженно-гордый вид Райвена. Проходя мимо веселящегося мальчишки, конь чуть брыкнул передними ногами и заржал, не то сердито, не то испуганно.

– Перестань! – крикнул Райвен, сжимая кулаки. – Не пугай его!

– Я только пел ему песенку, братишка, – насмешливо ответил Дэниел, но спрыгнул с забора и убежал, оглядываясь и играя ультрамариновой искрой в глубине темно-карих глаз.

Итак, Райвен прекрасно ладил с животными и гордился этим. Дэниел не завидовал и никогда больше не подшучивал над ним в те минуты, когда проявлялся единственный настоящий талант его брата. В остальном же Райвену гордиться было нечем и ему почти всегда было неуютно из-за того, что люди постоянно чего-то от него ждут... того, чего у него нет.

Впрочем, к тому времени, когда им исполнилось по десять лет, Райвен смирился со своей бездарностью, тем более что он неизменно чувствовал себя с братом одним целым. Соблюдая в некоторой мере приличия, Дэниел редко пользовался своими способностями, еще реже хвастался достижениями, но, рассказывая о приключениях и шалостях, всегда говорил «мы с Райвеном»... за исключением, конечно, тех случаев, когда уходил один.

Первый раз он исчез на четыре дня, летом того года, когда ему исполнилось десять. Просто ушел из дома рано утром, никому ничего не сказав, и не вернулся к вечеру. Пока взволнованные Скиллиан и Тамира поочередно выбегали на дорогу, чтобы посмотреть, не идет ли домой беспутное чадо, Джаелс и Кристиан спокойно играли в карты на крыльце дома Витуни и на все попытки своих жен втянуть их в панику, деловито отвечали:

– Пропал бы Райвен, мы бы беспокоились. А за Дэниела волноваться нечего.

– А вдруг с ним что-то случилось? – едва ли не хором восклицали женщины, провожая глазами заходящее солнце.

– Что например?

– Вдруг на него напали волки! Или его похитили цыгане!

Райвен, вертевшийся возле мужчин, с целью постигнуть суть правил игры, рассмеялся:

– Пусть только попробуют! Дэниел приведет их всех в деревню на веревочке, как щенят!

И цыган, и волков, и кого бы то ни было, хоть чертей из преисподней!

Тамира ахнула и вскинула руку, чтобы шлепнуть мальчика по губам за такие слова, но Джаелс заслонил его и усадил за стол на табурет, стоявший у стены, туда, где рассерженная мать не смогла бы до него дотянуться.

– Райвен правду говорит, – гордо откликнулся Кристиан, перетасовывая колоду. – Мой Дэниел справится с любой напастью, стоит ему только запеть.

– Ах, да что с ними говорить! – чуть не со слезами сказала Тамира, сбежала с крыльца и снова вышла на улицу. Скиллиан тяжело вздохнула, зажгла масляную лампу, чтобы мужчины могли при зыбком её свете продолжить игру, и тоже вышла за калитку. До самой ночи женщины сидели у дороги, настойчиво вглядываясь в темноту и бросая укоризненные взгляды на мужей, обучавших Райвена премудростям карточной игры. Для мальчика этот вечер стал одним из самых счастливых в жизни...

Дэниел появился к полудню четвертого дня, голодный, уставший, с репьями в отросших волосах, которые он упрямо отказывался стричь. В ответ на все вопросы он лениво отмахивался и просил дать ему поесть. Увидев, что Скиллиан готова отшлепать мальчика, Кристиан увел сына в дом, напоил молоком и, без лишних разговоров, уложил спать.

– Посмотри на него, – говорил он жене, показывая на уснувшего в одежде Дэниела. – Он был где-то далеко, устал, сбил ноги... а ты кидаешься на него с расспросами и упреками.

– Да ведь любой получил бы трепку за такие прогулки, – напряженно отвечала Скиллиан. – Ушел, перепугал всех, ничего не сказал, и вернулся, как ни в чем не бывало. И, нет бы извинился, так от самой калитки начал требовать, чтобы его покормили! Куда же это годится?

– Разве ты не рада, что он вернулся живой и здоровый?

Скиллиан улыбнулась и припала головой к плечу мужа:

– Конечно, рада... А все-таки интересно, где он был?

Кристиан вздохнул и ответил серьезно:

– Отчего-то мне кажется, что он нам об этом не расскажет.

Он оказался прав. Проснувшись на другое утро, Дэниел не пожелал объяснять причин своего долгого отсутствия и рассказывать о том, где был все эти дни.

– Так было нужно, – отвечал он, глядя в вопрошающие глаза Скиллиан бесноватыми карими ягодами своих глаз.

Спустя четыре месяца он снова исчез, на этот раз всего на два дня, и никто уже не поднимал панику, хотя Тамира и Скиллиан и провели два вечера у калитки. Райвен хмуро ворчал, мол, мать-то моя, а волнуется так, словно Дэниел их общий со Скиллиан сын. Но в душе был доволен, что не нужно допоздна бродить где-то, сопровождая брата в его бесконечных походах и непонятных поисках. Дни, когда Дэниел уходил, становились для Райвена периодами свободы и насыщения двусторонней отцовской любовью, которой сполна одаривали его главы двух семейств.

Иногда в такие дни, если погода была тихой (а Дэниел чаще всего пропадал именно в солнечное безветрие), Райвен слышал, как в чистом воздухе над лесами звенит голос его брата.

– Слышите? Он поёт. С ним все в порядке, – говорил он Тамуре и Скиллиан, которые никак не могли отучить себя волноваться за вечно исчезающего сына и племянника...

Единственным человеком, которого отлучки Дэниела злили и раздражали, была его сестра, родившаяся на год позже него.

Её успешное появление на свет поначалу вызывало удивление: все считали, что рождение двух живых детей с разницей в один год, удача, достойная скорее семьи Гайхаллеров. Но, как оказалось впоследствии, до рождения второго ребёнка им пришлось ждать еще очень долго.

Гораздо раньше случилось то, что объяснило рождение Рут Витунни и дало её брату прозвище, сотворённое из неведомо как залетевшего в эти края, иноземного слова «маэстро».

В утро своего одиннадцатилетия, Дэниел пришел к дому-на-площади. Долго стоял под окнами, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за ставен, дул на озябшие пальцы и молчал. Проходивший мимо по своим делам Генри Дилл, остановился и негромко окликнул его:

– Что ты здесь стоишь, дитя Имболка? Чего ждешь?

Пряча покрасневшие от холодного ветра кисти рук в карманах тонкой суконной куртки, мальчик подошёл к ограде и сказал шепотом:

– Я слушаю. Мне надо поймать...

– Что поймать?

– Ноту. Тон. Не знаю... Я должен поймать звук.

Дэниел помолчал, глядя в сторону. Его лицо было непривычно кротким и грустным.

– Ты – дитя Самайна? – спросил он у Генри.

– Да, я родился осенью.

– Осенью, – без выражения повторил Дэниел. – И ты был первым, кого приняла Гильберта?

– И это верно.

К чему был заданы эти вопросы, так и осталось непонятным, но, видимо, они что-то значили для Дэниела. Неожиданно мальчик отошел назад, к крыльцу дома, несколько раз быстро обернувшись на Генри. Движения его стали резкими, сосредоточенными. В глазах прыгала знакомая уже всему городу синяя искра.

– Ты что задумал, маленький демон? – спросил Генри.

В ответ мальчик рассмеялся, и звук его голоса рассыпался по окрестным улицам, пугая домашних животных и воронье, которое почему-то слеталось в город в дни колдовских праздников. Звонкое эхо вернулось, оттолкнувшись от редких облаков, стремительно летящих в ясном морозном небе. Странное чувство единения с этим смехом накрыло Генри, как облако дыма – легкого, но беспрепятственно пропитывающего всю одежду едковатым запахом. А Дэниел продолжал смеяться, обнимая себя за плечи и глядя в то в глаза Генри, то в небо, и с какого-то момента это был уже не смех, а захлебывающаяся вкрадчивая мелодия, берущая за душу и выматывающая нервы, как плач младенца... новорожденного младенца...

– Дэниел, ты слышишь? – спросил Генри изумленно. Мальчик оборвал мелодию, замолчал и обернулся на окна второго этажа, откуда доносился приглушенный, но тем ни менее отчетливо слышимый первый крик нового ребёнка. А на крыльцо уже выскочила Лийза, вытирая фартуком мокрые руки.

– Есть один! – радостно сообщила она. – Генри, можешь сбежать к Халлесенам и сообщить им, что родилась девочка! А ты никуда не уходи, – велела она Дэниелу, в шутилой строгости хмурия брови. – Стой здесь и пой! И чтоб к вечеру у нас было тринадцать новорожденных, иначе я тебе уши надеру!

Дэниел снова расхохотался:

– Надеюсь, что вы ждете не десять малышей! – сказал он, забираясь на забор. – Мне не под силу сделать из десяти тринадцать!

В этот момент открылось одно из боковых междуэтажных окошек и, появившаяся в нем Гильберта, бросила мальчику крупное яблоко.

– Прочисти горлышко, маэстро! – весело сказала она. – Лийза! Марш наверх! У нас еще двое на подходе!

К полудню неисправимый болтун Генри Дилл разнес весть о песнопениях Дэниела по всему городу. К дому-на-площади постепенно стекались люди, словно была в них какая-то безусловная необходимость.

Дэниел пел не все время: большую часть времени от сидел на заборе верхом (одна нога со стороны двора другая со стороны улицы), молча улыбался на расспросы любопытствующих, шептался с Райвеном, который прибежал время от времени, чтобы принести кружку молока или

кусок хлеба с маслом... После каждого сеанса звукоизвлечения на Дэниела нападала безумная усталость, словно он вкладывал в песню нечто значительно большее, чем голос.

Все закончилось уже к семи часам вечера совершенно неожиданным сюрпризом. На крыльцо стремительно вышла торжествующая Гильберта и крикнула, перекрывая своим голосом песню Дэниела:

– Счастье да войдет в наш город! У нас четырнадцать малышей!

К тому моменту на площади собрались почти все жители города. Уже ни у кого не вызвало сомнения, что этот Имболк не будет омрачен смертью тех, кто не успеет родиться до полуночи. Все ждали чуда, и оно произошло... но все-таки ожидали всего тринадцать детей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.